

12+

Илья Леонтьев
Окаянный император

Роковое путешествие

Илья Леонтьев

**Окаянный император.
Роковое путешествие**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Леонтьев И. Ю.

Окаянный император. Роковое путешествие / И. Ю. Леонтьев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Подающий надежды программист Николай Романов отправляется в Японию, чтобы познакомиться с будущим работодателем. В городе Оцу он попадает на место покушения на наследника российского престола Николая Александровича. Из-за сбоя матрицы наш современник оказывается в теле царевича в XIX веке. Очень быстро он понимает, что "балы, красавицы, лакеи, юнкера" - это иллюзия. Ему приходится устраиваться в новом мире и жалеть, что плохо учил историю в школе. Путешествуя, Николай сталкивается с реалиями жизни России и понимает, что если он не хочет оказаться у расстрельной стенки в одном из Екатеринбургских подвалов, то надо срочно принимать меры.

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава I

Апрель 2017 г.

Где-то внизу расстилось бескрайнее море облаков. Они были похожи на огромные, безразмерные куски ваты. Солнечные лучи создавали причудливую игру теней: острова, горные вершины и перевалы, а разрывы походили на бездонный океан, в глубине которого лишь угадывалась далекая поверхность земли. Над всем этим синело голубое небо. Таким оно бывает только на высоте десять километров. Увидеть эту красоту можно из иллюминатора авиалайнера. Неудивительно, что места «рядом с окошком» во время регистрации разбирают в первую очередь. Мне повезло. После серой московской хмари и мороси лайнер взмыл в ночную вышину, а через несколько часов над горизонтом показалось светило.

Самолет уносил четыре сотни пассажиров на край земли. В Страну восходящего солнца. Я никак не мог до конца поверить в происходящее. В то, что студент факультета компьютерных наук и информационных технологий Саратовского университета оказался на борту красавца-Аэробуса. Он направлялся в мир, который жил в каком-то другом измерении. Меня ждали города-муравейники, ущелья улиц, заполненные людьми и машинами. Родина множества научных достижений прошлого и нынешнего века. Но самое главное – меня ждала возможность вырваться из захолустной Пензы. Стать гражданином планеты. Завтракать в одной стране, а обедать уже в другой, на берегу океана. Именно это я видел в своих мечтах, надеясь, что «смотрины» пройдут успешно. Конечно, о том, что этот визит – знакомство с потенциальным работодателем, прямо никто не говорил, но приглашение в гости после победы на чемпионате мира по программированию просто так не делают. Позади остались китайцы, поляки, канадцы и даже американцы. На волне эйфории, которая охватила группу, я как-то незаметно для самого себя принял приглашение побывать в Японии. Вечно улыбающийся и раскланивающийся Акайо Фукуда, невысокий, как и все японцы, убедил меня, что программисту с мировым именем (лесть, конечно, но очень приятная) просто необходимо побывать на островах.

– Николай-кун, ты должен посмотреть, как работают наши специалисты в области высоких технологий. Это будет полезно столь талантливому юноше, – нахваливал он меня. – И потом, разве нужно парню в 20 лет отказываться от возможности узнать мир?

В общем, я согласился. Да и в том, что такое предложение рано или поздно поступит, никто не сомневался. Очень немногие по-настоящему талантливые IT-шники России оставались работать дома. Родина могла предложить им либо ободранные стены вузов с нищенскими зарплатами и вечными попытками получить зарубежный грант, либо работу на дядю. Причем откуда был этот дядя – разобраться порой не представлялось возможным, так плотно сплелись интересы власти и бизнеса на одной десятой части суши в начале XXI века. Я же решил пойти по стопам многочисленных предшественников – отправиться за границу. Там негласный надзор за сильнейшими программистами тоже присутствует, но, во-первых, не столь явный, а во-вторых, у этой клетки золотые прутья.

– Спасибо, Акайо! Я с удовольствием побываю в вашей замечательной стране. Надо же посмотреть, как цветет сакура.

Отрезвление наступило, когда я понял, что эту новость придется рассказать родителям, точнее маме. Отец, несмотря на отсутствие высшего образования и сугубо рабочую профессию, обладал природной сметкой.

– Мы – Романовы, – любил говорить он, – хоть и из крестьян Городищенского уезда, все ж не лыком шиты. Никогда в руководители не лезли, но всегда жили неплохо.

Благодаря его золотым рукам и умению смонтировать электрическую проводку хоть в квартире, хоть в коттедже, хоть на заводе, я отправился учиться из Пензы в соседний Саратов. Там школа программирования была куда сильнее. С мамой оказалось сложнее. Умом она тоже

прекрасно понимала, что в России сына ждет мало хорошего, но сердце и чувства были сильнее разума. Поэтому прощание на перроне железнодорожного вокзала вышло тяжким.

До отправления фирменной «Суры» оставалось несколько минут. Я уже забросил сумку с вещами на верхнюю полку и стоял с родителями у вагона. Мама украдкой вытирала слезы, папа, наоборот, улыбался.

– Ты там води себя прилично. Закрутишься с какой-нибудь гейшей – и накроется карьера программиста.

– Если уж в Саратове не охмурили – куда там японкам! – улыбнулся я в ответ.

– Коленька, будь осторожен, – наверное, в пятый раз сказала мама. – До сих пор не могу поверить, что согласилась на эту поездку.

– Была бы твоя воля, – ухмыльнулся отец, – ты бы его и учиться не отпустила. – А видишь, какой самородок! Не просто программист, а победитель мирового чемпионата. Мы об этом уже не раз говорили: ничего ему тут не светит. Мы с тобой жили в надежде, что у детей все будет лучше, такую же надежду питали наши родители, деды-прадеды, и так до бесконечности. И что стало?.. Ладно, Маша, не трави душу...

– Все я прекрасно понимаю, да только одного уже отпустили... Ты, Саша, помнишь, чем это кончилось, – всхлипнула она.

После этих слов отец помрачнел. Воспоминания о моем старшем брате – молодом офицере внутренних войск, который погиб во время войны в Чечне, – были очень болезненными.

К счастью, в этот момент колокольчики вокзального громкоговорителя вечно сонным голосом пробудили пятиминутную готовность. Я клюнул в щеку отца, прижался к маме и заскочил в вагон. Не знаю почему, но защемило сердце. Появилось чувство, что больше никогда их не увижу. Прижался лбом к окошку в коридоре и, грустно улыбаясь, смотрел на самых близких мне людей на свете. Из репродукторов грянуло «Прощание славянки», и поезд, громыхнув сцепками, поехал. Пару десятков метров родители шли за вагоном и махали руками, потом отстали.

Эти грустные воспоминания одолевали меня на борту самолета, пока не показалось светило. Оно чуть быстрее обычного вставало из-за горизонта.

– Ну, прям Перл-Харбор какой-то, – вспомнил я сцену из голливудского фильма, в которой вероломные японцы летят бомбить американский флот.

Оставшаяся часть пути прошла без происшествий. Ровный гул турбин, очередь в туалет (чтобы хоть так вырваться из опостылевшего за много часов полета кресла), коробки с фасованной авиаедой и, наконец, голос стюардессы, которая объявила о том, что самолет готовится к посадке, поэтому всем надо занять свои места, убрать откидные столики и пристегнуться.

Токио встретил меня весенними солнышком, ветерком и неизменно улыбающимся Акайю Фукудой.

– Николай-кун, как я рад видеть вас на нашей земле! Добро пожаловать в Японию! – он просто лучился от счастья.

– Здравствуйте, Акайю! – после десяти часов в воздухе мне хотелось только одного: добраться до гостиницы, принять душ и упасть на подушку.

Вероятно, он заметил это состояние. Перестав лучиться радушием, повел меня к автомобилю.

– Это хорошо, что вы приехали раньше, чем остальные приглашенные. У вас есть прекрасная возможность познакомиться с нашей страной. И даже увидеть, как цветет сакура. В этом году прохладно, поэтому насладиться чудесным зрелищем все еще можно, – последние слова японец проговорил с придыханием, правда, мне показалось, что эмоция была слегка наигранной.

– Что еще в культурной программе? – спросил я, чтобы не показаться невоспитанным.

– О! Это, конечно, наша визитная карточка – Фудзияма. Вы не будете подниматься на гору, но много от этого не потеряете. Побываете в бамбуковой роще Арасияма. Как говорят, в ней можно понять смысл жизни. Ну а начнете программу в Оцу. Это город на берегу озера Бива. Там находится храмовый комплекс Мии-дэра, в котором хранятся шесть изваяний Будды и, – Акайо понизил голос, – сокровища японских императоров...

Мне этот прием напомнил помотанных жизнью теток из областного музея краеведения. Они также закатывали глаза и говорили с придыханием. Правда, в силу привычки и многократного повторения, эмоций в их словах не было ни грамма.

– Послушайте, Акайо, – грубовато перебил я сопровождающего, – вам совершенно ни к чему изображать из себя радушного хозяина. Давайте будем откровенными: я сюда приехал не красоты разглядывать, хотя это, конечно, приятный бонус.

В глазах японца промелькнуло удивление. Похоже, у него сломалась привычная программа, ну а я испугался собственной наглости: собрался устраивать будущее, а сам хамлю представителю вероятного работодателя. И это при том, что они мне оплатили и перелет, и проживание.

– Конечно-конечно, Николай-кун. Как вы пожелаете, – быстро взял он себя в руки, – Главная встреча состоится послезавтра в Токийском университете. Там наши гости смогут познакомиться с тем, как учатся наши программисты, и пообщаться с... ними... и не только. Пока же, позвольте, я закончу про ваше индивидуальное расписание. Завтра это будет Мии-дэра, бамбуковая роща и Фудзияма, ну а в четверг вас ждет столица. Выставочный центр Toyota Mega Web и Музей Мирайкан. Это некий аналог московского ВДНХ, но, смею предположить, куда более интересный. При вашей профессии вам может быть любопытно. В этом конверте кредитная карточка – ею можно платить за проезд и еду, – а также описание предлагаемых маршрутов. В электронном виде все материалы отправлены на вашу почту. Мы не будем навязывать свое общество во время поездок в ближайшие два дня, – завершил он практически-деловым тоном.

Тем временем наша машина подъехала к отелю. Это было вполне привычное для европейского глаза здание. Вероятно, его специально выбрали для того, чтобы не отпугивать гостей-соискателей местной экзотикой.

– Я оставляю вас, Николай, отдыхайте. В пятницу, в девять утра здесь же вас будет ждать автомобиль. Набирайтесь впечатлений от нашей страны, – закончил Акайо уже привычным приторно-радушным тоном и протянул мне руку для прощания.

Процесс заселения запомнился плохо. Я протянул портье паспорт, дождался, пока он заполнит немногочисленные строчки на компьютере, получил ключи и отправился в номер. Приняв душ, растянулся на двухспальной кровати.

– Ну, вот новая жизнь и начинается, – это было последнее, что я подумал перед тем, как провалиться в глубокий сон.

Утро 29 апреля приветствовало меня лучами солнца. Лежа в постели, я наслаждался необычными ощущениями. Будет ли работа, нет ли, в данный момент меня совсем не беспокоило. Я находился на другом конце света, в Японии, а на прикроватной тумбочке лежал конверт с кредиткой, долг по которой возвращать мне не придется. Для моих бывших одноклассников и даже сокурсников это была недостижимая мечта. Прав отец, мы, Романовы, можем построить счастье своими руками. С этими мыслями, улыбаясь, я сделал разминку, умылся и отправился в ресторан.

Казавшийся вчера родным и понятным европейский стиль отеля больше не радовал. Хотелось чего-то необычного, поэтому, позавтракав, я взял планшет, быстро написал пару строк родителям и нашел письмо от Акайо. Так-так-так... не балуют меня наниматели. Все маршруты построены исключительно на использовании общественного транспорта. В Оцу к шести буддам, например, мне предстояло добираться сначала на метро, потом на аналоге нашей электрички, а затем еще и на автобусе. Впрочем, смотреть в зубы дареному японскому коню

было неприлично. Закинув в рюкзак планшет и конверт с описанием маршрута, я направился в путь.

Токио оказался понятным и гостеприимным городом. Большинство вывесок было продублировано на английском, потому проблем с ориентацией не возникло. Да и смартфон исправно показывал, куда и когда надо свернуть, чтобы не запутаться в каменных джунглях. Правда, долго бродить по улицам мне не пришлось. Станция подземки оказалась всего в паре сотен метров от отеля. Терминал исправно пискнул, когда я поднес к нему выданную карточку. Из щели выскочил билет до железнодорожного вокзала.

Если бы не подробные инструкции, закончилось бы это путешествие полным фиаско. Один раз я умудрился заплутать даже в московской подземке. Дело было на пересечении нескольких линий, и нехорошие мысли появились, когда я понял, что уже третий раз прохожу мимо одного и того же взрывозащитного контейнера. В Токио все гораздо хуже. Транспортная сеть меньше московской, но куда запутаннее. Ее обслуживают две независимые компании. Разобраться в хитросплетениях маршрутов могут только местные, поэтому пошаговые рекомендации оказались очень полезными. Час пик уже закончился, штурмовать вагон мне не пришлось. Японцы чинно собирались в небольшие очереди, а потом спокойно проходили в приветливо распахнутые двери. В салоне стояла полная тишина, лишь колеса стучали по рельсам и звучал механический голос, объявляющий станции. Как любезно пояснил создатель моей памятки, разговаривать под землей не принято. Телефон нужно перевести в бесшумный режим и не брать трубку, если кто-то будет звонить.

После пары пересадок я, наконец, попал к промежуточной цели путешествия – станции Токио. Здесь меня ждал футуристический поезд до Оцу. Необычным он был, конечно, только на мой российский взгляд. Японские электрички JR летают по всей стране. В моем случае три сотни километров она преодолевала за два часа. Салон состава походил на самолетный. Те же кресла с откидными столиками, шторы на окнах, правда квадратных, и проводники с тележками, на которых навалены всевозможные закуски.

Вид за бортом неожиданно разочаровал. Если бы не иероглифы на вывесках и непривычная техника, можно было бы подумать, что мы несемся по просторам необъятной родины. Промышленная архитектура – а вдоль железных дорог преобладает именно она – строится по единым правилам во всем мире. Лишь проезжая через города я имел возможность немного полюбоваться на экзотику. Поэтому по приезду в Оцу мне очень не хотелось вновь забираться в салон теперь уже автобуса. Да и многолюдье порядком утомило. Каждый компьютерщик в душе немного мизантроп. В итоге до храмового комплекса, название которого я так и не запомнил, решил идти пешком. Понятно, что на это потребуются куда больше времени, и в бамбуковую рощу, посаженную каким-то монахом, я не попаду, да и бог с ней. На траву-переросток мне довелось не раз и не два насмотреться в Сочи, куда мы ездили на отдых с родителями и где проходили российские соревнования по программированию.

Навигатор дисциплинированно вывел в старую часть города. Здесь были узкие улочки, на которых едва разъезжались автомобили. Оцу сильно напоминал какой-нибудь приморский городок на нашем юге. Каждый свободный участок земли был покрыт плиткой и закатан в асфальт, а деревья ютились в крошечных двориках. У маленьких домиков были припаркованы малолитражки. На других машинах разъехаться здесь все равно было невозможно. На перекрестках на столбах висели сферические зеркала, чтобы водители видели, что находится за углом. Неожиданно распахнулись одни из ворот. Из них вышла пожилая японка. Увидев меня, удивилась: вероятно, туристы в эти закоулки забредают не часто.

Ну что ж, хватит с меня здешних реалий. Пора возвращаться на туристические тропы. Я достал смартфон, построил маршрут к сокровищнице императоров и решительно свернул за угол. После этого случилось то, над чем так любят смеяться пользователи Ютуба. Увлеченный изображением на цветном дисплее, я зацепился ногой за неровность мостовой, потерял

равновесие и плашмя полетел на землю. Последнее, что я увидел перед тем, как померк свет, был неприметный четырехугольный столбик с иероглифами на одной из граней.

* * *

– Сара, Сара! Чтоб ты болела в свое удовольствие! Где уже горячая вода?! – голос повитухи был слышен по всему глиняному домику. В семье обеспеченного Херсонского землевладельца Давида Бронштейна ждали прибавления. И только ленивый кот не обращал внимания на суету и нежился на огромной печи, от которой распространялись волны тепла.

Глава семейства особого волнения не испытывал, жена разрешалась от бремени уже в пятый раз, да и не пристало уважаемому человеку суетиться, словно вчерашнему выпускнику гимназии. Он курил в кабинете. Это был высокий, худощавый мужчина. Хватило бы одного взгляда ему в глаза, чтобы убедиться в его самоуверенности, решимости добиться своего. Он чувствовал себя «в своей тарелке» в любом обществе, хотя и был малограмотным. Давид Леонтьевич обладал хозяйственной сметкой и трудолюбием. Эти качества позволили ему выбиться из рядового еврея-колониста в собственника 300 десятин земли, мельницы и кирпичного завода. Его продукция с клеймом «Б» считалась лучшей по всей округе. Свои черты характера он усердно прививал и детям.

– Мар Бронштейн, – оторвал Давида от воспоминай голос повитухи, – поздравляю! У вас родился сын.

– Спасибо, Соломея, – землевладелец расплылся в улыбке.

– Как назовете наследника – уже решили?

– Конечно. Лейбом!

Глава II

Май 1891 г.

– ...чество! Николай Александрович! Вы меня слышите? Ваше...

– Смотрите, он открыл глаза! Николай Александрович, вы меня слышите?

Голоса доносились словно сквозь толстый слой ваты, мелькали непонятные пятна. Спустя мгновение голову прострелило острой болью. Желудок скрутило спазмом, и остатки завтрака из отеля покинули мое брренное тело. Стало немного лучше, но состояние все равно оставалось отвратительным.

Примерно так же я себя чувствовал утром после первой студенческой попойки. Вырвавшиеся из-под родительской опеки вчерашние школьники упились до потери сознания. Причем случилось это помимо желания. Гуляли в университетской общаге. Как на подбор все ботаники, которых одноклассники любя дразнили очкариками, а со злости... даже вспоминать не хочется. Лишенные опыта подростковых гулянок, мы собрались в одной из комнат. На импровизированном столе красовалось вино, пиво и пара бутылок настоек. Закуска тоже получилась разнообразной, от шоколадных конфет до малюсенького кусочка балыка.

Стесняясь самих себя, расселись. Повисла пауза. В итоге слово взял однофамилец – Ванька Романов.

– Ну что, ребята, за знакомство! Если никто не против?

Возражающих не нашлось. Разнокалиберная посуда собралась в кучу, горячительное провалилось в непривыкшее к подобным упражнениям нутро, заработали челюсти. Без пригляда взрослых напитки кончились на удивление быстро. Решение послать гонцов за добавкой созрело скорее, чем грузится операционная система.

Я оказался в составе делегации, захотелось проветриться. В супермаркете через дорогу подсчитали наличность. Ее вышло неожиданно много. Запасы, привезенные из дому, еще не истощились. До коронного блюда, сосисок с лапшой быстрого приготовления, было еще далеко.

– Ребята, а давайте купим коньяк, – млея от собственной смелости, заявил Игорь Кулькин.

– Согласен, – поддержал его Ванька.

Еды в этот раз взяли побольше. Колбасы с хлебом и готовых салатов в пластиковых контейнерах. Правда, Игорь еще зацепил банку сгущенки. По его словам, тягучая сладкая субстанция – лучшее, что может быть после рюмки. Нагруженные желтыми пакетами, мы прошли мимо сонной вахтерши. Она сделала вид, что не заметила наши горящие глаза и просвечивающие сквозь тонкую пленку бутылки. В ближайшие выходные после 1 сентября гудела вся общага.

Хохоча, мы ввалились к своим и начали готовить вторую очередь застолья. Приняв на грудь, будущие программисты оказались вполне разговорчивыми и даже горячими. Причем споры о компьютерах продолжались недолго. Как все нормальные парни, говорили о девушках, машинах и боевиках. Кто-то даже успел сцепиться, но их вовремя растащили.

Я же, запив сухое красное сначала настойкой рябины на коньяке, а потом и собственно трехзвездочным, решил попробовать покурить. Жертв этой вредной привычки на факультете было немного. Сидение перед монитором не позволяет отвлекаться на такие мелочи. Но пара курильщиков в компании была, и я решился.

– Смотри, Колька, – наставительно произнес один из них. – Хреново завтра будет.

– Ничего, переживу, – заявил я и затянулся.

«Хреново» стало сразу. Сознание помутилось, а выпитое и съеденное рвануло наружу. В себя я пришел в туалете. Кто-то из более опытных однокурсников сунул мою голову под струю

холодной воды. Душа просила продолжения банкета, поэтому ноги принесли меня обратно. На естоле к этому времени возникла водка с квашеной капустой и пельменями, а в комнате появились старшекурсники. Они научили нас, что каждый грамм – за создателей программ и самый короткий тост: «Enter!». Именно после него ощущение реальности пропало окончательно.

Ну а утром я узнал, что такое жуткое похмелье. Но даже тогда, на первом курсе мне не было так плохо, как сейчас. Я не понимал, где нахожусь, кто меня окружает и что вообще происходит. В голове крутились обрывки мыслей: я в Японии, прилетел для переговоров с потенциальным работодателем, отправился на экскурсию на рикше. Каком рикше? Если не ошибаюсь, это тележка, которую тащит человек; или я все-таки ехал? Меня окружала большая толпа, причем многие говорили... на великом и могучем. Откуда в Оцу взялось так много русских? Меня подхватили и куда-то понесли. Организм тут же отреагировал на это новой вспышкой боли и рвотными позывами.

Издавательство, к счастью, продолжалось недолго. Гул стих. Меня уложили. Чьи-то руки принялись обтирать лицо. Затихшая, было, дурнота вернулась и вместе с собой прихватила очередной желудочный спазм. Обычного облегчения он не принес. «Вертолетики» вновь набрали скорость.

– Ваше императорское высочество, как вы? Вы меня слышите? – послышался чей то взволнованный голос.

– За доктором уже послали. Он будет здесь примерно через четверть часа, – подключился второй.

«О как! Тут еще какое-то пострадавшее высочество», – проскочила мысль, и сознание милосердно покинуло брренное тело.

Когда я пришел в себя в следующий раз, вокруг было тихо. Дурнота стала чуть меньше, удалось сфокусировать взгляд. Меня положили на кровать в небольшой комнате, оформленной в чисто японском стиле. По крайней мере, именно так я его себе представлял по кинофильмам. У изголовья неожиданно оказался молодой мужчина с пышными усами и оттопыренными ушами, облаченный в какую то нелепую форму, по виду похожую на морскую. «Боцманмат», – всплыло из глубин сознания незнакомое слово. Увидев, что я очнулся, он буквально подскочил на месте и побежал к выходу. Провозившись несколько секунд с непривычной сдвижной дверью, выскочил вон. И только звучали удаляющиеся шаги. Вокруг было удивительно тихо. Я попытался оглядеться вокруг и тут же пожалел об этом. Вновь накатили волны дурноты и полетели винтокрылые машины. К тому же выяснилось, что голова у меня замотана. Судя по всему, бинтами. Значит, я в больнице. Но только какой-то странной. Оцу, конечно, не Токио, но современная клиника должна выглядеть по-другому. Как конкретно, сказать бы я не смог, но явно не с дверями из деревянной решетки, оклеенной бумагой, которые к тому же сдвигаются вбок, и без боцманматов вместо медсестры. В коридоре тем временем послышались шаги. Они приблизились, и в палату вошел представительный мужчина, тоже в морской форме, но с погонами.

– Здравствуйте, ваше императорское высочество! Как вы себя чувствуете? – спросил он.

Приехали, подумал я. Опять говорят о каком-то высочестве. Оно что – лежит на соседней койке? Однако взгляд неизвестного был направлен точно на меня. Не дождавшись ответа, он приблизился и, слегка сдвинув повязку, положил руку на лоб. Мне она показалась холодной. Понятно, температура подскочила. Потом достал часы из кармана (я такие только на картинках видел) и стал считать пульс. Удовлетворенный осмотром, он вновь поглядел на меня и произнес:

– Как вы себя чувствуете?

Я попытался честно ответить на заданный вопрос, но смог лишь болезненно поморщиться.

– Вы помните, кто вы и где находитесь? – продолжил он чуть более встревоженным тоном.

В ответ я закрыл глаза. Врач выдохнул и произнес:

– Ну-с, отлично! Отдыхайте. Вас, ваше императорское высочество, ударил саблей местный полицейский. У вас две раны на голове. Вы в безопасности, в доме губернатора. Надо набраться терпения и отдыхать. Все будет хорошо, – закончил он преувеличенно бодро.

После этой тирады «вертолеты» в моей голове резко увеличили скорость, и я впал в беспамятство.

Не знаю, сколько провел без сознания, но, когда пришел в себя, доктора в помещении не было, а моряк опять занял место на стуле рядом с изголовьем. Заметив, что я открыл глаза, он вскочил со стула, помялся с ноги на ногу, присел обратно. Я ободряюще улыбнулся. Боцманмат, или как его там, явно был не в своей тарелке и не знал, что делать дальше.

– Как зовут братец? – едва шевеля губами, с трудом выдавил я. Не знаю почему, но мне захотелось использовать именно это обращение.

– Боцманмат Андрей Деревенко, ваше императорское высочество, – вытянувшись по струнке, гаркнул служака.

У меня от этого крика голову тут же прострелило болью, в глазах помутилось.

– Не так громко, любезный (еще одно старорежимное словечко), не так громко... Какой сегодня день? Давно лежу?

– Третий день уж, почитай, хвораете.

– А что случилось? Почему у меня голова перевязана?

– Так ведь эта... желтая макака бросилась на вас с саблей. Пока скрутили, несколько раз успел ударить, ирод. Сам не видел, но, говорят, вы от него бежать пытались, да споткнулись, упали, – доложил моряк.

От полученной информации голова опять закружилась. Почему он считает, что я императорское высочество, откуда взялся полицейский с холодным оружием? Хорошо помню, что рядом со мной на улице никого не было. Падение было, за что-то зацепился. И почему меня отнесли в дом губернатора, а не в больницу? Почему вместо медсестры у кровати дежурит военный моряк с чудным званием. По числам все вроде совпадает... Мама дорогая! Я же еще вчера должен был отправиться в Токийский университет на встречу с потенциальным работодателем! Похоже, моя карьера в Стране восходящего солнца закончилась, так и не начавшись. Надо позвонить, хотя бы попытаться поговорить. В конце концов, не каждый день оказываешься на больничной койке с пробитой головой.

– Андрей, а где мои вещи? Рюкзак с планшетом и смартфон?

– Чего, ваше императорское высочество, – непонимающе уставился на меня боцманмат.

– Вещи, компьютер, телефон...

– Не понимаю, о чем вы, ваше императорское высочество... Телефон, кхмبيوتر какой-то... Давайте я лучше доктора позову, – сорвался он со стула.

– Подожди, братец, не торопись, – остановил я его. – Присядь...

Мозги, пострадавшие после нападения, работали с трудом, но не заметить все возрастающее количество несуразностей было невозможно.

– Давай начнем сначала... Я шел по улице, и на меня напала жел... напал полицейский. Так?

– Почему шли? Ехали в коляске. Рикса их тут называют...

– Рикша, – автоматически поправил я.

– Ну да, на рикше. Этот супостат стоял в оцеплении, а потом выхватил саблю и кинулся.

– Постой. В каком оцеплении? Улица же была пустая, и рикши никакого не было, я шел пешком.

На лице моего собеседника появилось непонимание, потом работа мысли, и в итоге он заявил:

– Я, ваше императорское высочество, все-таки лучше доктора позову, – и решительным шагом вышел из комнаты.

Мне только и осталось откинуться на подушку и попытаться собрать разбегающиеся мысли воедино. Похоже, у меня последствия травмы головы. Провалы в памяти. Только какие-то странные. Рикша, полицейские, загадочный моряк и порядком уже надоевшее «ваше императорское высочество». Кстати, к кому так раньше обращались? К принцам, что ли? Самым правдоподобным объяснением было самое грустное. Я действительно сильно ударился головой и сейчас лежу в больнице, а все, что происходит вокруг меня, – это бред.

Непонятно только, почему с каким-то историческим уклоном. Если учесть, сколько времени в сутки я провожу перед компьютером, то мне должно было привидеться что-то другое.

За дверью послышался шум, и перед кроватью появился давешний эскулап.

– Доброе утро, ваше императорское высочество! Как вы себя чувствуете? – завел он знакомую песню.

– Лучше, доктор. Слава Богу, лучше!

Врач автоматически перекрестился и приступил к осмотру. Поверхностному даже на мой непрофессиональный взгляд. Он пощупал лоб, посчитал удары пульса, для чего снова достал свой раритетный хронометр, а после этого заявил, что надо делать перевязку. В комнату вошел матрос с чистыми бинтами и какими-то пузырьками из толстого мутного стекла. Боцманмат, ставший для меня кем-то вроде няньки, помог сесть на кровати. Следующие несколько минут превратились в настоящую муку. Тот, кому хоть раз отдирали присохшие повязки от ран, знают, насколько это неприятно. Пока медик колдовал над моей головой, я обратил внимание на собственные руки. Они были мои и не мои одновременно! Я мог поднять и опустить их, сжать ладонь в кулак, почесаться. Но руки были не мои. Тонкие аристократические пальцы с маникюром совсем не походили на мои с наскоро обрезанными ногтями и заусенцами. Появилась нехорошая догадка.

Обессиленно рухнув на подушку после окончания манипуляций, попросил слабым голосом зеркало. Искали его довольно долго. Когда же принесли, я несколько мгновений не решался взглянуть в небольшой слегка тусклый диск. Когда же сделал это, вновь едва не потерял сознание. На меня сквозь мутноватое стекло смотрело отраженное от тончайшего слоя металла абсолютно незнакомое лицо.

Полный ступор, пожалуй, самое точное определение того, что со мной случилось в этот момент. Я погрузился в собственные мысли и перестал отвечать на вопросы. Врач почтительно удалился. Деревенко серым мышонком застыл на стуле. Мой взгляд то скользил, не останавливаясь ни на чем, то замирал, сфокусировавшись в одной точке. В голове было пусто, и даже дурнота куда-то отступила. Подобные чувства мы испытываем, когда получаем очень плохие новости о наших близких. Я же потерял самого себя...

Не знаю, сколько это продолжалось, но когда вернулась способность соображать, на улице смеркалось. Хватит, надо успокоиться! Будем считать, что передо мной стоит задача по программированию. Ее надо решить. Вариант первый: я сильно ударился и сейчас в больнице. Все происходящее вокруг – бред. С одной стороны, заманчивая версия, с другой – сомневаюсь, что в подобном состоянии человек может есть, спать и даже ходить в туалет. Версия вторая: все это кем-то подстроено. Но в этом случае возникает вопрос: кем и, самое главное, зачем? Да, Николай Романов – перспективный IT-шник, но не более того. Никаких секретов я не знаю, в крутых разработках замечен не был. Третье – я больше не я, а кто-то другой. Руки и лицо это подтверждали неоспоримо. С другой стороны, личность точно моя, воспоминания остались, в них нет провалов. Я помню близких и друзей. Допустим, произошел перенос сознания, ну, или души. Как такое возможно – даже не представляю. Я наталкивался в сети на статьи о попыт-

ках копировать память человека в суперкомпьютер, но из тела в тело?.. Это невозможно. Или возможно, но находится где-то за гранью современных знаний о мире? Ладно. Примем это за рабочую версию. Других все равно не предвидится. Какая теперь задача номер один? Понять, кому принадлежит этот организм. Явно кому-то высокопоставленному, одно обращение «ваше императорское высочество» чего стоит! Задавать такие вопросы в лоб не следует. Тут не только доктор, но даже ушастый морячок задумается. Ни к чему хорошему это не приведет. Как же быть? Откуда узнать, кто я теперь и что со мной случилось? Стоп-стоп-стоп! Лежу я в доме у какого-то губернатора, рикша вез меня или предшественника по улице, запруженной народом, не зря же на ней полицейское оцепление стояло. Это значит, что случившееся наверняка стало резонансным случаем, о нем рассказывала пресса. Судя по морской форме и методам работы медика, интернетом и телевидением тут и не пахнет, но газеты-то должны быть. С историей у меня, как у всякого технаря, плохо. Ладно, была не была!

– Послушай, Андрей, – боцманмат востроил уши на своем стуле и изобразил живейшее внимание, – ты, братец, вот что, принеси-ка мне свежих газет. Какие только найдешь.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – Деревенько вышел из комнаты.

Пользуясь его отсутствием, я принялся осматривать собственное тело. Приступы слабости и дурноты отступили, поэтому мне удалось не только сесть в кровати, но даже встать, правда, держась при этом за изголовье, а ноги все время предательски дрожали. Сложно судить, сколько лет было моему... как, кстати, его называть? Ладно, пусть будет предшественник. Он – вполне сформировавшийся молодой мужчина. Судя по мускулатуре, ему не чужды занятия спортом. Причем не качалка с железом, а что-то типа легкой атлетики. Сказать что-либо определенное о росте было невозможно из-за отсутствия того, с чем можно сравнивать. Скорее, среднего. Никаких явных признаков травм или увечий я не обнаружил. Зато неожиданно нашлась татуировка. Как-то не сочетались у меня «высочество» и тату. На правом предплечье разлегался черный дракон с желтыми рогами, зелеными лапками и красным брюхом. Под носом были лихо закрученные гусарские, как я определил сам для себя, усы. Лицо, насколько я успел заметить, было вполне приятным, с правильными чертами. Рассмотреть его во всех подробностях мешала повязка на голове. Она же скрывала волосы.

Послышались шаги Андрея. Он принес в комнату целый ворох изданий. Увидев меня стоящим у кровати, он замер, а потом улыбнулся.

– Заходи, заходи, братец, – проговорил я, занимая горизонтальное положение. Эти неприличные для меня словечки высказывали помимо воли, как будто на автомате.

– Вот, ваше императорское высочество. Правда, пока только японские. За другими слугу послали, а эти прочитать вам помогут. Губернатор распорядился прислать человека, который по-нашему разумеет.

Не без трепета я взял в руки первый лист. Серовато-желтая бумага плохого качества сплошь была покрыта иероглифами разного размера. Заказывая местные издания, я очень надеялся узнать, какой на дворе год. У меня отложилось в памяти, что на вывесках в Токио были привычные арабские цифры. Однако в принесенных газетах их не было. Ни одной. Фотографий, кстати, тоже. Тем временем в дверь постучались, точнее даже поскреблись. Матрос взглянул на меня и, дождавшись кивка, сдвинул конструкцию в сторону. В помещение, постоянно кланяясь, зашел средних лет японец. На нем, вопреки ожиданиям, было европейское платье. Не уверен, что это можно описать словами, но на него мое тело отреагировало совсем иначе, нежели на доктора или Деревеньку. Я устроился поудобнее и занял, как мне показалось, царственную позу.

– Ваше императорское высочество пожелали, чтобы ему почитали? – согнувшись в пол, произнес гость с довольно сильным акцентом.

– Да, желаю. И начни с описания... инцидента.

– Как будет угодно, – ответил японец и, недолго порывшись в куче, вытянул листок. – «Ужасное происшествие в Оцу. Сегодня нам стало известно о нападении на почетного гостя нашей страны, наследника российского престола, Его Высочество Николая Александровича...»

Надо же, а хозяин тела-то – мой тезка. Осталось только понять, какой это Николай. Если не ошибаюсь, их в России было двое.

«Покушение произошло на улице Симо-Когарасаки. Один из полицейских, стоящих в оцеплении, внезапно бросился к Его Высочеству и нанес ему два удара саблей. Принц выпрыгнул из коляски и попытался бежать, но упал. Первым на помощь пришел греческий принц Георг, который сопровождает наследника русского престола в этой поездке. Он ударил нападавшего бамбуковой тростью. Следом на негодея налетели рикши, и злодей был схвачен.

Перепуганная свита в один миг окружила наследника. Ему перевязали голову и на коляске отправили в дом губернатора, где он сейчас и находится.

Что толкнуло полицейского на подлое нападение, остается неизвестным. Ни один японец, не будь он безумцем, идиотом или фанатиком, не смог бы задумать такой поступок. Злодей, нанеший раны прославленному гостю, которого весь народ стремился чтить, не будет достаточно наказан, пока его тело не будет разрезано на сто частей.

В знак уважения к раненому цесаревичу на следующий день после нападения были закрыты биржа, некоторые школы, токийский театр кабуки, а также другие места развлечения».

Ошеломленный полученной информацией, я откинулся на подушку. Впрочем, необходимо было взять в себя в руки и выяснить еще один момент.

– Послушай, э...

– Сато Канаэ, ваше императорское высочество.

– Так вот, Сато, меня интересует вопрос, как в японском языке записывают числа. Арабские же у вас не используются?

– Очень редко, ваше императорское высочество. Числа мы записываем иероглифами. Позвольте вам показать, – и, дождавшись моего кивка, он приблизился к кровати.

– Вот цифра два, а вот сто, – его палец указывал на отдельные иероглифы, которые для меня лично ничем не выделялись из ряда себе подобных.

– Хорошо, ну а, допустим, где указана дата, когда выпущена эта газета? – перешел я к главному в этот момент вопросу.

– Она напечатана 12 гогацу 2551 года от основания Японии. Если перевести на европейский манер, то получится 12 мая 1891 года, ваше императорское высочество, – закончил японец и замер в поклоне.

Конец XIX века! Я оказался в теле будущего Николая II. Последнего русского императора, которого примерно через три десятка лет вместе со всей семьей расстреляют где-то в Екатеринбурге.

Глава III

Май 1891 г.

Как там у Достоевского: «Что делать?». Или это Грибоедов сказал? Неважно. Этот вопрос встал передо мной во всей красе. Пути назад в мой мир, скорее всего, нет. Уникальные события сошлись в одной точке, но в разные века. Кстати, если я здесь, то настоящий наследник что – там? Или в XXI веке мое тело осталось бездыханным? Много вопросов без ответов. Но они в этот момент не главные. Основной – что делать? Пытаться сбежать, затеряться? Нет, не получится, тем более здесь, в Японии. А с другой стороны, убегу – и что? Мои навыки программирования в это время сродни шаманским гаданиям или всякой экстрасенсорике. Хотя от них толку всяко больше. Впечатлительные граждане, готовые платить за прикосновение к неизведанному, всегда найдутся. Я же не знаю местных реалий, языка, да и с моим европейским лицом долго бегать не получится.

Вариант номер два – занять место настоящего Николая (по факту это уже произошло) и жить. Заманчиво, но финал пугает. У меня со знанием истории дела обстоят не очень. В школе, конечно, изучал, но скорее факультативно. Зачем она математику? Поэтому знания о прошлом собственной страны у меня очень смутные. Например, я помню, что с Японией мы в начале XX века воевали и даже проиграли. А сейчас вижу, что отношения просто прекрасные. Тон газетной статьи в отношении меня и полицейского был вполне однозначный. Что же произойдет в ближайшее время и дойдет ли дело до вооруженного конфликта? Еще были воспоминания про Первую мировую и революцию. Причем их вроде было две...

Да, ситуация... С другой стороны, будем реалистами. Особого выбора у меня нет. Если я попытаюсь улизнуть, рано или поздно найдут. А вот последствия будут все равно безрадостные. Враги России будут использовать ситуацию в своих целях, а сограждане, чего доброго, упекут в психушку. Травма головы в этом вопросе им очень даже на руку будет.

Значит, надо вращаться в реалии. Что-то подсказывает, что путешествие наследника после инцидента закончится. Думаю, скоро из Москвы, тьфу ты – Питера, придет команда вернуться на родину. Не думаю, что царственные родители и дальше будут рисковать моим здоровьем. Правда, фора у меня приличная. Пока доберемся до столицы, времени уйдет немерено. Возможностей познакомиться с жизнью будет достаточно. Вот только бы не накуролесить до того, как разберусь, что к чему. Это на боцманмате Деревенько можно кинуть хмурый взгляд, и он испаряется из поля зрения, а с ближайшим окружением этот фокус не пройдет. Принц, судя по татуировке, нравов был довольно свободных, и друзей-приятелей у него, похоже, хватает. Они странности заметят обязательно. А в перспективе будет встреча с родителями, а уж они-то меня знают как облупленного. С этими невеселыми мыслями я забылся сном.

Утро началось с визита врача. Он провел привычный уже осмотр, поменял повязку, сегодня эта процедура, к счастью, прошла не так болезненно, как накануне. Меня же мучила проблема. Врач не представлялся, значит, я его знал. А как обращаться – понятия не имел. Варианты «голубчик» и «любезный» в этом случае явно не подходили.

– Ваше императорское высочество, ваше состояние тревог больше не вызывает. Раны затягиваются. Я полагаю целесообразным перевезти вас на «Память Азова». Там в окружении преданных подданных выздоровление будет протекать гораздо успешнее, да и свежий воздух пойдет вам на пользу, – и он выжидающе посмотрел на меня.

– Ну что ж... Если вы так считаете, давайте собираться. После завтрака это будет вполне удобно.

– Как скажете, ваше императорское высочество.

– Кстати, а что там с газетами? Я просил их доставить...

– Если не ошибаюсь, их принесли, но я бы не рекомендовал вам, ваше императорское высочество, проводить много времени за чтением. Вы еще слабы, и излишнее напряжение может сказаться самым неблагоприятным образом.

– Спасибо, доктор. Пришлите Деревенько. Я бы пока не хотел отказываться от его общества. Слабость не позволяет мне себя чувствовать вполне уверенно.

– Конечно, ваше императорское высочество.

Медик откланялся и вышел. На его месте появился матрос. Он принес поднос с завтраком и газеты. Английскую и русскую – «Правительственный вестник». К сожалению, много нового из прессы я не узнал. Газеты были старыми. После завтрака пришло время одеваться. Руки привычно потянулись к сорочке и костюму, а вот с галстуком вышла заминка. Ну не доводилось мне носить этот предмет гардероба в прошлой жизни, а мышечной памяти для того, чтобы повязать его, не хватило. Помучившись, я решил отказаться от этой идеи. В конце концов, я болен, значит, небольшой беспорядок костюма будет простителен. Позвав Деревеньку, попросил его поддерживать меня (скорее чтобы придать болезненный вид, а не по необходимости), и вышел из комнаты, в которой очнулся в этом мире.

Губернаторский дом оказался небольшим и вполне соответствующим всем местным минималистским традициям в обстановке. Пространство разделяли легкие деревянные перегородки, оклеенные чем-то типа бумаги или ткани. Было тихо и не видно ни одной живой души. А вот во дворе меня встречали сразу две делегации. С одной стороны стояли японцы в национальных одеждах, с другой – члены экипажа и господа в гражданском. Вероятно, не доверяя больше властям, меня решили сопровождать до порта. Опираясь на руку боцманмата, я сначала свернул к хозяевам. В их рядах заметил давешнего переводчика.

– Ваше императорское высочество, от имени губернатора, – он показал глазами на пожилого господина, – благодарю вас за то, что стали его гостем. Его превосходительство сожалеет, что этот визит состоялся при столь печальных обстоятельствах.

– Это ничего, не думайте, что это происшествие может в чем-либо изменить мои чувства к японцам и признательность мою за ваше радушие, – проговорил я и, кивнув, повернулся к землякам.

– Господа, рад вас всех видеть! Простите, что не могу уделить вам больше времени, последствия ранения еще сильны, и мне поскорее хотелось бы отправиться в дорогу.

С этими словами я направился к стоящему во дворе рикше. По словам доктора, на коляске с человеческим приводом нам предстояло доехать из Оцу в Киото, а уж оттуда на поезде в Кобе. Экипаж с боков окружили матросы, офицеры расселись по своим местам, и процессия тронулась. Сперва я с любопытством смотрел по сторонам. Меня окружали знакомые узкие улочки, такие же пустынные, как и несколько дней назад. Вернее, много десятилетий спустя. Запутавшись окончательно, оставил попытки разобраться в этом вопросе. Рикша оказался экипажем не быстрым, но тряским. Добавляли неприятных ощущений и многочисленные повороты. Сразу разболелась голова. Я откинулся на спинку и попытался расслабиться. В итоге меня разморило, и продолжение дороги запомнилось плохо. На вокзале мы подъехали к самому вагону, и Деревенько фактически занес меня в салон. Утомленный путешествием, я лег на диван и сразу уснул.

Пробуждение было приятным. Сначала я даже не понял, где нахожусь. Стучали колеса на стыках, за окном пролетали столбы. Потянулся и только тут понял, что это не купе пензенской «Суры», а совсем другой вагон. Состав стал сбавлять ход, и в дверь постучали.

– Да-да, войдите.

– Ваше императорское высочество, прибываем, – на пороге возник Андрей.

– Замечательно. Послушай, голубчик, у меня к тебе просьба... Я рад вернуться на борт, увидеть попутчиков, но я еще слишком слаб... Мне надо побыстрее добраться до каюты.

– Конечно, ваше императорское высочество! – вытянулся матрос.

– И еще... Со всеми этими переживаниями я запомнил, как зовут нашего капитана...

– Капитан первого ранга Ломен Николай Николаевич, – Андрей если и удивился моему вопросу, то вида не подал.

– Как дойдем до каюты, пригласи его ко мне.

От вокзала мы ехали на лошадях. Улицы в Кобе оказались шире. В порту уже ждала лодка, и буквально через несколько минут мы подплыли к совершенно нелепому кораблю. На мой взгляд, он представлял собой смесь несовместимого. Из приземистого корпуса торчали три трубы, две высокие и одна пониже. А мачты свидетельствовали, что крейсер может идти и под парусами. Нос навевал мысли о древнегреческих галерах, похоже, под водой скрывался таран. Вот такая безумная, на взгляд выходца из XXI века, эклектика.

Впрочем, вся ирония испарилась, как только я ступил на палубу. Выстроенная команда грянула троекратное «ура!». Причем довольно искренне. Глаза предательски увлажнились. Ко мне приблизилась группа офицеров и людей в штатском.

– Ваше императорское высочество, мы рады приветствовать вас на борту после столь чудовищных злоключений, – у обратившегося ко мне были золотые погоны с двумя просветами.

Черт, ну почему я не спросил у Деревенко, как выглядит Ломен?! Скорее всего, это он, но рисковать очень не хотелось.

– Спасибо, голубчик! Хвала Всевышнему – все неприятности остались позади, но последствия ранения еще сильны, и я хотел бы удалиться в свою каюту. Кстати, мне пока еще нужна помощь, пусть боцманмат останется со мной.

– Конечно, ваше императорское высочество, – склонил голову офицер.

– Господа, благодарю за теплый прием! Очень тронут, – обратился я к встречающим и тише добавил: – Веди, братец.

Устроившись в удобном кресле, я приказал Андрею позвать капитана. Через пару минут вошел тот самый офицер с золотыми погонами. Его лицо украшала буйная растительность. Вообще, как я заметил, бороды и усы у русских были в чести. В отличие от тех же японцев – они предпочитали бриться.

– Присаживайтесь, Николай Николаевич! Как обстоят дела? Что нового случилось за время моего отсутствия? Как самочувствие моих сопровождающих? – последний вопрос я задал не без опасения, но, с другой стороны, не мог же наследник престола путешествовать один, а как иначе узнать имена попутчиков, я так и не придумал.

– Благодарю вас, ваше императорское высочество, – устроившись на стуле, произнес Ломен. – Дела на корабле отлично. Запас провизии и угля принят. Больных нет. Как только будет приказ, мы выйдем в море. Ваши друзья князя Барятинский, Кочубей, Оболенский, Ухтомский, господин Волков и его высочество принц Георг в добром здравии и с нетерпением ждут общения с вами.

– Да-да... – ответил я рассеяно, запоминая имена, – это чуть позже. Сейчас последствия раны еще дают о себе знать. Меня утомляют долгие разговоры.

– В таком случае, ваше императорское высочество, разрешите откланяться, тем более что с вами очень хочет пообщаться посланник, у него последние новости из Петербурга, – и Ломен встал со стула.

– Посланник? – удивился я незнакомому в этом контексте слову.

– Дмитрий Егорович Шевич, российский посланник в Токио, – слегка недоуменно проговорил капитан.

– Ах, да! Конечно. Пригласите, пожалуйста.

В каюту вошел человек, который неожиданно напомнил мне собственного деда. Нос картошкой, прищуренные с хитринкой глаза и борода а-ля Лев Толстой. Выбивался из родного с детства образа только большой монокль в правом глазу.

– Ваше императорское высочество, как я рад видеть вас в добром здравии! Никогда не забуду зверского выражения лица злодея, когда, скаля зубы, он заявил, что он – «самурай». Глубокая неукротимая ненависть пылала в его глазах... Но, хвала Господу, вы вовремя выпрыгнули из коляски, а принц Георг и рикши пришли к вам на помощь.

– Как на случившееся отреагировали японцы?

– Они возмущены этим вероломством. В знак уважения к вашему высочеству на следующий день после нападения были закрыты биржа, школы, театр кабуки и другие места развлечений, и даже... – Шевич запнулся и продолжил, чуть понизив голос, – пять дней в публичных домах не принимали клиентов. В деревне злоумышленника совет запретил называть детей именем Сандзо и фамилией Цуда, родственники покушавшегося стали изгоями. И был даже один печальный инцидент. Надеясь искупить вину за покушение своей кровью, совершила самоубийство, заколовшись перед зданием киотской мэрии, молодая девушка. В нашу миссию тысячами поступают письма и телеграммы, а для доставки подарков, которые идут со всех концов страны в адрес вашего императорского высочества, придется нанимать повозки...

– Если дела обстоят именно так, почему бы и нам не поступить благородно, Дмитрий Егорович? Пригласите на борт рикш, которые скрутили негодяя. Их надо наградить по заслугам.

– Отличная идея!

– А какие новости из Санкт-Петербурга? Есть ли послания от... – я замаялся, не зная, как назвать Александра III, не папой же, – его императорского величества?

– Есть, ваше императорское высочество. Государь требует, чтобы вы возвращались в Россию, – восторженный тон Шевича сменился на грустный. – У меня к вам будет только одна просьба, если позволите...

– Говорите, господин посланник.

– Я нижайше прошу ваше императорское высочество задержаться в Японии до вашего дня рождения. Это будет хороший знак, что вы не держите зла, и он самым благоприятным образом скажется на наших отношениях.

– Вы предлагаете сидеть здесь до сентября, – воскликнул я и тут же пожалел об этом, увидев недоумение в глазах Шевича. Это у меня день рождения 26 сентября, а вот когда оно у настоящего Николая?! Судя по всему, уже скоро.

– Не обращайтесь внимания, Дмитрий Егорович, это последствия травмы... – замаялся я, не зная, как закончить мысль.

– Ничего страшного, ваше императорское высочество. Я все понимаю. Позвольте мне оставить вас...

– Подождите еще минутку... Я понимаю, что мой вопрос может вызвать у вас недоумение, но тем не менее... Как вы считаете, какие причины могут привести к ухудшению отношений между Россией и Японией до такой степени, чтобы вызвать вооруженный конфликт?... Господин Шевич, – я вскинул руку, увидев, что посланник собрался возражать, – я не говорю, что это случится завтра и даже послезавтра. Речь идет об отдаленной перспективе. Подумайте, не требую ответа прямо сейчас, но до отъезда хотел бы его получить.

– Понял, ваше императорское высочество. Скорейшего вам выздоровления, – похоже, окончание разговора полностью выбило посланника из колеи. Из каюты он выходил в состоянии крайней задумчивости.

Ну а меня ждала третья и, пожалуй, самая ответственная сегодня встреча. С друзьями-попутчиками. Вот ведь закавыка – друзья ли они мне вообще или приставлены родителем, чтобы сдерживать порывы молодости. Какие отношения с четверкой князей и греческим принцем были у Николая? Хотя с Георгом все более или менее понятно. Он бросился на полицейского, который попытался зарубить меня, будучи вооруженным только бамбуковой тростью, что говорит о многом.

Встречать попутчиков я решил в кровати. Это позволит избежать длительных расспросов, а если я почувствую, что разговор заходит в темные для меня области, всегда можно будет его свернуть.

– Господа, прошу вас! Простите, что принимаю вас в столь неприличном виде, но...

Их было шестеро. И мне предстояло пройти по лезвию ножа, чтобы они не поняли, что я совсем не их знакомый Николай. Хотя кто из них принц Георг, я, кажется, понял. Одному из мужчин остальные оказывали чуть больше внимания.

– Как самочувствие вашего императорского высочества? – начал самый возрастной, лысеющий, но с густой бородой.

– Благодарение Богу, господа, уже гораздо лучше, чем было, но до полного выздоровления, похоже, еще далеко. Слабость, головные боли, доктор посоветовал мне больше отдыхать. Впрочем, остался в живых благодаря его высочеству, который, как рассказывали, смело кинулся мне на помощь, могло быть гораздо хуже, – произнес я, не глядя ни на кого конкретно. Однако взгляды остальных, брошенные на господина моих лет с закрученными кверху усами, подтвердили мои догадки о том, кто в этой компании принц Греческий.

– Спасибо вам, брат мой, – уже глядя в глаза Георгу, произнес я. – Если бы не ваше вмешательство...

– Оставьте, ваше императорское высочество. Надо признать, моя помощь не была бы столь эффективной, если бы не рикши. Эти простые японцы скрутили злодея.

– Этих славных людей мы отблагодарим завтра. Я попросил Шевича пригласить их на борт. Впрочем, довольно об этом. Я хотел бы слышать ваш совет вот по какому вопросу. Из Петербурга пришла депеша с приказом возвращаться на родину, но посланник очень просит отметить мой день рождения здесь, в Японии. Это продемонстрирует наши добрые намерения и поддержит отношения с императором Мейдзи.

– Ваше императорское высочество, я полагаю, что волю государя надлежит исполнить незамедлительно, – ожидаемо произнес старший.

– Владимир Анатольевич, позвольте вам возразить, – вступил в диалог мужчина с запорожскими усами, – я не вижу никакой беды в том, что мы уплывем из Кобе двумя днями позже. Завтра будет время закончить дела, 18-го отметить день рождения наследника, и – в путь!

– К сожалению, я не смогу продолжить путешествие с вами. Неотложные дела вынуждают меня отправиться в Североамериканские Соединенные Штаты. Я покину вас сразу после дня рождения его императорского высочества, – заявил Георг.

Поскольку остальные присутствующие не стали высказывать мнение, инициативу пришлось взять мне.

– Ну что ж, решено. Завтра завершим дела, послезавтра отметим праздник, а затем отправимся в дорогу! Нас ждет Россия.

Глава IV

Май 1891 г.

Где-то под палубой мерно стучала паровая машина. Из труб валил черный угольный дым. К счастью, его сносило, и он не портил чудесный вид на море. «Память Азова» шел на крейсерской скорости. Машины выдавали пятнадцать узлов. По словам капитана Ломена, переход до Владивостока займет около трех суток.

Я стоял и думал о событиях последних полутора недель. Неповторимые облака на высоте десяти километров. Муравейник в токийском метро. Скоростной поезд и узкие улочки Оцу. Все это казалось каким-то далеким. Словно случилось не в этой жизни. Всплывающие в памяти лица родителей вызвали приступы удушающей тоски. Что они узнают о сыне? В лучшем случае на моем месте оказался настоящий наследник Николай Александрович, в худшем – я для них просто умер. Невозможность изменить ситуацию сводила с ума. На меня обрушилось нечто космического масштаба. В один момент я потерял не только близких, но и страну и даже время. Было от чего взвыть и лезть на стену. В качестве альтернативы вселенная или Бог дали мне другое тело. Достаточно молодое – второго дня ему исполнилось 23 года. Не чуждое спорту. У царевича была хорошая фигура. В обозримом будущем это тело должно унаследовать престол самого большого государства на планете, а еще через четверть века быть убитым в екатеринбургском подвале. И что самое ужасное, у меня не было ни малейшего представления, как я могу изменить подобный ход событий! Мои знания истории России ограничивались крайне отрывочными сведениями. Я помнил основные войны, революции, несколько фамилий политических деятелей, и, пожалуй, все. Я привык жить в мире цифр и уравнений, логических компьютерных цепочек. Теперь же передо мной стояли совершенно иные задачи. И я не только не знал, как их решить, – даже не знал, с какой стороны к ним подступиться.

Хотя последняя встреча с посланником Шевичем вселила неожиданную надежду. Он подошел ко мне после визита на крейсер многочисленной делегации во главе с самим императором Мейдзи. По словам архиепископа Японского отца Николая, который выступал на нашей встрече переводчиком, это был уникальный случай. Еще никогда до этого монарх не ступал на иностранный корабль. Императору было около сорока лет. Он резко выделялся из толпы сопровождения массивной нижней челюстью, тяжелым взглядом и какой-то основательностью. Чувствовалось, что этот человек не просто привык повелевать, а добиваться поставленных целей без оглядки на затраченные средства. Вместе с ним на трех пароходах на «Память Азова» доставили множество подарков. Их присылали аристократические семьи, компании, органы власти, города и даже простые японцы. Палуба была завалена разнообразными подношениями. На ней нашлось место и для художественных произведений, и для продуктов.

Общение с Мейдзи ограничилось официальной частью. Хотя и довольно душевной. Император, как мне показалось, искренне был опечален инцидентом в Оцу и тем фактом, что я покидаю острова раньше срока.

– А ведь меня отговаривали приезжать сюда, – устами отца Николая рассказывал мне Мейдзи. – Некоторые придворные посчитали, что вы можете выкрасть меня. Я возразил, что русские не варвары и не способны на такую подлость.

– Ваше императорское величество совершенно правы. Я тронут той заботой японского народа, что окружила меня после этого досадного события. Никогда не забуду добрых чувств, проявленных вашим величеством и императрицей. Мои впечатления от империи ничем не омрачены. Я глубоко сожалею, что не смог нанести визит в ваш императорский дворец.

Мы расстались друзьями, и я не мог понять, куда исчезнут эти добрые отношения, что случится между нашими странами, почему их ждет война.

После прощания с Мейдзи меня ждал разговор с архиепископом. Воспользовавшись случаем, отец Николай погоревал, что я не побываю на открытии токийского собора Воскресения Христова. Оказывается, наследник должен был стать почетным гостем на этом празднике, а теперь планы поменялись. К священнику я отнесся довольно спокойно. Хотя о деяниях его был наслышан с момента возвращения на крейсер. В моем времени мне удалось познакомиться со скрытыми от публики аспектами жизни православной церкви. Приятель учился в Саратовской консерватории и параллельно пел в церковном хоре. Его рассказы о том, как попы запускают руки в кружки для подаваний, как подсиживают друг друга ради хлебного места в митрополии, как ее гараж наполняется дорогими иномарками, оставили в моей душе глубокий след. Поэтому сожаления от того, что не попаду на торжество, были неискренними. Зато я понял, что показная религиозность станет для меня хорошим щитом на родине. Для человека, побывавшего на краю гибели, – это более чем нормально. А мне таким образом удастся скрыться от старых знакомых. Тех, кто может заподозрить, что под личиной наследника престола скрывается совсем другая личность. Начав подготовку легенды, я попросил отца Николая отслужить молебен перед отправлением «Азова» к родным берегам.

В тот же день на борт были приглашены рикши, которые везли меня и Георга. Именно они скрутили злодея. Я решил вручить им по две тысячи пятьсот иен премии и по ордену Святой Анны. Эти награды посоветовал дать посланник, поскольку ими в империи было принято награждать иностранцев. Кроме того, речь шла и о назначении пожизненной пенсии, но тут верх взяла моя природная бережливость. Две с половиной тысячи в год зарабатывал член японского парламента (был, оказывается, у Мейдзи и такой, чисто декоративный, орган). Да и император обещал, что их поступок неоцененным не останется.

Уже вечером, после того, как отгремели залпы праздничного салюта, на разговор напросился посланник. Весь день он был задумчив, и я даже испугался, уж не заподозрил ли чего. Но первые же слова Шевича доказали, что я ошибался.

– Вы совершенно правы, ваше императорское высочество, – заявил он, как только мы остались наедине. – Признаться, вчера я отнесся к вашим мыслям как к ребячеству, уж простите меня великодушно, а потом задумался. Ведь у России и Японии действительно есть повод для конфликта. Император проводит в стране глобальные реформы. Его радением начался масштабный промышленный подъем, да вот незадача – сырьевой базы для него на островах нет. Если заглядывать в отдаленное будущее, как вы предлагаете, то становится очевидным, что искать ее японцы будут где-то на континенте, а учитывая их отношения к корейцам – это будут, скорее всего, их земли. Значит, интересы наших стран войдут в противоречия, ибо, как известно, в родных пенатах есть солидная партия тех, кто считает движение в направлении Кореи совершенно необходимым. Как далеко зайдут эти разногласия, не знаю, но теоретически, повторюсь – теоретически, дело может закончиться противостоянием. Да и про англичан не стоит забывать, – неожиданно добавил Дмитрий Егорович.

– А англичане-то тут причем? Где мы, а где они?

– Джентльменам есть дело до всего на нашей планете. В их империи, как вы знаете, солнце никогда не заходит. Они с легкостью меняют союзников, а вчерашние друзья сегодня делаются врагами. Если отношения между Россией и Японией начнут накаляться, эти господа попытаются извлечь из ситуации максимальную выгоду. Можно только гадать, что они будут делать, но делать это будут явно против нашего Отечества. Они не упустят возможности ослабить позиции России на Дальнем Востоке.

«А что, вполне похоже на правду», – подумал я, а вслух произнес: – Спасибо вам, господин посланник, за столь кропотливо проделанную работу. Не хочу быть Кассандрой, но, боюсь, вы заглянули на десятилетие вперед и увидели там печальную картину... Но не будем предаваться унынию. Это пока лишь прогноз, и в наших силах сделать так, чтобы события развива-

лись в нужном для нашего Отечества русле. Вернувшись в Санкт-Петербург, я уделю этому вопросу пристальное внимание. Пока же... Нет ли у вас, случайно, с собой бумажных иен?

– Есть, вот, пожалуйста, – заглянув в бумажник, он протянул мне купюру.

Не став разглядывать банкноту, я порвал ее на две части.

– Держите, – отдал одну половину Шевичу. – Если к вам когда-нибудь явится человек и покажет вторую, окажите ему содействие. Если судьбе будет угодно, чтобы вы покинули эту страну, оставьте этот опознавательный знак и инструкции сменщику. Посланник молча склонился в поклоне.

Зачем разорвал бумажку и кому отдам свою часть, я даже не представлял. Вероятно, в этот момент мной овладели воспоминания каких-то детективов или шпионских романов. Как бы то ни было, дело сделано, первое зерно посажено. Теперь нужно рыхлить землю и поливать деланку.

– Ваше императорское высочество, – оторвал меня от размышлений голос боцманмата Деревенько, – вас приглашают в командирский салон на обед.

Как недавно выяснилось, у меня был адъютант – князь Виктор Кочубей, но моряк все равно остался кем-то вроде личного помощника. Николай Николаевич увидел, что я привялся к хитроватому хохлу и решил оставить его при моей персоне до конца плавания.

– Спасибо, Андрей, я сейчас, – и тут меня посетила неожиданная мысль. – А у команды сейчас тоже время обеда?

– А как же! Командир уже пробу снял, и баталер ендову с водкой вытащил.

– Тогда пошли, попробуем матросского варева.

Эта просьба для боцманмата оказалась настолько неожиданной, что он впал в ступор.

– Ну что же ты? Веди, – приказал я, и Андрей направился в недра корабля.

Картина, открывшаяся моему взору, была необычной. В полумраке подпалубного пространства матросы хлебали что-то из общего котла. Тарелок у них не было. Десятки ртов споро пережевывали порцию и тянулись за новой. Ложки сталкивались над котлом и боролись за лучшие куски варева. Опоздавшие протискивались в плотные кружки и присоединялись к застолю. Меня заметили не сразу, настолько они были увлечены процессом. Сначала замер один, потом другой. В итоге на меня смотрела сотня глаз. Смотрела и не верила тому, что видит. Похоже, даже офицеры здесь появляются не часто, что уж говорить о наследнике престола.

– Здорово, братцы, – наконец избавившись от наваждения, выдавил я из себя. – Пустите за свой стол?

Ответом мне было молчание. Команда не понимала, что происходит. Первым опомнился Деревенько.

– Ну, раззявы, разойдись. Уступи место его высочеству, – он бесцеремонно растолкал собравшихся за ближайшим столом и рукавом вытер лавку.

Сев на предложенное место, я понял, что мне нечем есть. Предметы сервировки у каждого были свои. На выручку, опять же, пришел боцманмат. Он достал из кармана штанов деревянное изделие неизвестного ложкаря, протер его о робу и протянул мне. Под гробовое молчание я черпнул ложкой из котла и отправил содержимое в рот. Первое, что отметили вкусовые рецепторы – большое количество перца. Остальные ингредиенты варева для меня остались непонятными. Идентифицировать удалось разве только рис.

– А что у вас на второе, братцы? – выговорил я, с трудом проглотив порцию.

– На какое второе, ваше императорское высочество? – робея от собственной наглости, спросил возрастной матрос с седыми обвислыми усами.

– Ну, это суп, потом какое-то второе блюдо и чай.

– Так нет у нас другого блюда. Водка, похлебка, хлеб да чай – вот весь наш обед, – недоуменно произнес собеседник.

– Ну что ж, в таком случае приятного аппетита, – нарушил я повисшую паузу и пошел к выходу. Все это время в помещении стояла гробовая тишина.

Мое первое «хождение в народ» с треском провалилось. Когда я смотрел подобный спектакль по телевизору, выглядело это гораздо привлекательнее. Отсюда вывод: к подобным экспромтам надо готовиться.

У трапа, ведущего на палубу, на меня едва не налетели Кочубей с Ломеном. Похоже, информация о том, куда направился наследник, долетела уже и до командирского салона.

– Господа, вы куда-то торопитесь?

– Простите, ваше императорское высочество. Нам сообщили, что вы спустились в матросский кубрик, и мы решили...

Что решили адъютант с капитаном, они так и не произнесли вслух. Пришлось прийти на помощь.

– Полноте! Что такое может произойти со мной на русском военном корабле? Пойдемте обедать. Кстати, Николай Николаевич, почему нижние чины так скудно питаются? Помнится, в Кобе нам загрузили множество продуктов – где они?

– Ваше императорское высочество! Это ваш подарок! Мы не смеем к нему прикоснуться.

– Перестаньте. Я, конечно, люблю вкусно покушать, но столько мне не съесть даже за пару месяцев. Между тем провизия будет портиться. Прошу вас, передайте кокам, что они могут располагать всеми моими запасами как своими.

Кстати, учиться поведению за столом в XIX веке я был вынужден практически заново. Пока мой рацион состоял из бульона и обедов в одиночестве, проблем не возникало, а вот в обществе... Во-первых, столовые приборы. Здесь было примерно пять видов вилок, столько же ложек, целые горы разнокалиберных тарелок и бокалов. С ними, к счастью, было просто, еду и напитки разносили официанты, они и выбирали нужную тару. С приборами было сложнее. Сперва мне приходилось начинать трапезу с воды. Я ненавязчиво присматривался к остальным участникам застолья и подмечал, чем они едят суп, чем рыбу и мясо. Во-вторых, я совершенно не попадал в существующий ритм жизни. Здесь никто никуда не торопился. Разговоры были степенными и размеренными. За стол, по крайней мере с моим участием, садились на час, как минимум. Блюда приносили с перерывами. Для меня это было очень непривычно. Я сдерживал себя и поднося ложку ко рту, и пережевывая кусок антрекота, и отпивая глоток вина. Спиртного неожиданно оказалось много. Разного рода вина, шампанское, коньяк. Его подавали начиная с обеда. По сравнению с тем, что я пробовал в свое время, это были нектары богов. Наверное, за счет натуральных продуктов. Никакой пищевой химии, как я понял, еще не изобрели. Но налегать на алкоголь все равно не стал. Цирроз печени и в моем XXI веке не лечили, что уж говорить про здешние реалии. К здоровью вообще стоило относиться максимально серьезно. Я слабо представлял себе уровень развития местной медицины, но хорошо помнил, что антибиотики изобрели в годы Второй мировой. Без них сильная простуда и глубокий порез могли закончиться летальным исходом. Однако вернемся к теме горячительного...

– Николай Николаевич, расскажите, как часто матросам выдают водку и зачем вообще это делают?

– Охотно... Это правило ввел еще Петр Великий. Он, как известно, многое заимствовал из Европы и это тоже. Получая небольшие порции водки, нижние чины чувствуют себя бодрее и меньше болеют. Особенно это необходимо в северных, холодных широтах.

– Но здесь климат куда как мягче...

– Да, несомненно. Зато у офицеров есть хороший способ воздействия на подчиненных. За провинности их лишают чарки, а за хорошее несение службы, наоборот, поощряют.

– Послушайте, Николай Николаевич, – к разговору подключился князь Кочубей, – никто от подобного угощения не отказывается?

– Есть и такие. Согласно указу, мы их не неволим. Тот, кто не принимает водку, получает ее стоимость на руки после окончания службы. В месяц казна на это отпускает два рубля и сорок копеек. За семь лет набегает более двухсот рублей. С таким капиталом, согласитесь, матрос может неплохо устроиться.

– И много тех, кто отказывается?

– Немало.

– Так, может, необходимо вообще отказаться от выдачи спиртного, а платить всем деньги? – я вновь подключился к разговору.

– Сложный вопрос вы, ваше императорское высочество, задаете, – задумался Ломен. – С одной стороны, безудержное потребление спиртного вредит здоровью. Ученые мужи на этот счет высказываются однозначно. С другой, чарка – это традиция, самим Петром Великим введенная. А устои на флоте, как известно, чтут. И убери их... Не знаю, чем сие закончиться может.

Я сделал себе «зарубочку» на будущее и встал из-за стола. Салон капитана на «Памяти Азова» по сравнению с матросским кубриком был другим миром. Здесь висели электрические люстры, жестко закрепленные на металлических трубах, чтоб не разбились во время качки. У стены стояло фортепиано, а в буфете лежал настоящий фарфор. Стены были отделаны деревянными панелями, а на полу красовался шикарный ковер. Кубрики расположены уровнем ниже. Там в два яруса висят парусиновые койки, чуть в стороне – обеденные столы, и тут же находятся какие-то машины и механизмы. В воздухе витает стойкий запах казармы.

Именно на «Памяти Азова» я начал понимать, что Россия рубежа веков – страна очень неоднородная. Как и у большинства сверстников, представление об этом времени у меня складывалось на основе строчек известной песни: «Балы, красавицы, лакеи, юнкера. И вальсы Шуберта, и вкус французской булки». Сейчас же стало приходить осознание, что все куда сложнее. Гораздо сложнее.

Глава V

Май 1891 г.

Большую часть пути до Владивостока я провел в каюте флагмана. На «Памяти Азова» это помещение не отличалось большими размерами, но оно было отдельным. Все время, не занятое приемом пищи и сном, я проводил с газетами. Ломен немного удивился просьбе собрать все издания, что были на борту, однако попросил офицеров об этом. Мне категорически не хватало информации об окружающем мире. Даже имена «отца» и «матери» мне были не известны. Их портреты красовались на почетном месте. Вглядываясь в лица Александра III и Марии Федоровны, я пытался понять, кто они, как относились к Николаю, какой была дистанция в семье. До встречи с ними еще было довольно далеко, но именно она была самой опасной. Друзья, окружение могли что-то заподозрить, а император и его супруга с уверенностью заявить, что под личиной сына скрывается кто-то другой. Тут еще эта татуировка и травма головы. На теле появились отметины, которых не было раньше. С другой стороны, Николай путешествовал в окружении князей и греческого принца. Это делало вариант с подменой маловероятным.

Я поглощал любую информацию, связанную с положением дел в России и описанием собственного путешествия. Как выяснилось, Ухтомский вел путевые заметки, которые после недолгих колебаний согласился предоставить. Правда, читать их, как и печатную продукцию, было непросто. Дореволюционный алфавит был немного иным. Пять «лишних» букв сбивали с толку. Если твердый знак в конце слов я научился пропускать достаточно быстро, то латинская «i», фита, ижица и ять заставляли думать о смысле слова. Порой приходилось перечитывать целые предложения, чтобы вникнуть в суть.

Издания были наполнены верноподданнической чепухой. Журналисты славословили императора, министров и прочих чиновников. Вот что мне удалось понять из периодики. Российская экономика находится на подъеме. Особенно промышленность. В металлургии началась техническая революция. Регулярное повышение тарифов на импорт (некоторые авторы писали даже о «тарифной войне» с Германией) и модернизация производств вызвали резкое увеличение выплавки чугуна и стали. Активизировалась добыча нефти и угля. На страницах среди прочих встретилось имя Сергея Витте. Из глубин сознания всплыли воспоминания, что он был экономистом, и, кажется, вполне успешным. Возьмем на карандаш. Так... Недавно отменили подушную подать, зато активно вводят косвенное налогообложение. Если я правильно помню университетский курс экономики, именно оно в следующем веке станет доминирующим по всей планете. Ну и вишенкой на этом торте стал я, точнее мероприятие с моим участием. Во Владивостоке мне предстояло объявить о начале строительства Великой Сибирской магистрали. Этой железной дороге предстояло связать центр страны с Дальним Востоком. Сейчас грузы из европейской части страны в восточную проще было доставлять на кораблях. При том, что шли они, зачастую огибая Африку и через Индийский океан. А если турецкий султан по какой-то причине закрывал проливы для русских кораблей, то отплывали они из самого Петербурга. Короче, маршрут получался гигантским, но все равно более выгодным, чем сухопутный. Пожалуй, на этот вопрос надо будет обратить особое внимание. Накануне я завел небольшую записную книжку, в которую записывал «всплывающие» воспоминания, имена людей, о которых что-то знал, идеи и мысли.

Теперь к делам иностранным. Журналист «Правительственного вестника» с восторгом писал, что Россия отказалась от тайных соглашений с иностранными державами: «Император Александр III, подобно всем государям, сознающим свою силу, никогда, нигде и никому не угрожал ею и ни разу ею не воспользовался в ущерб чьих бы то ни было интересов, не удостаивая даже и вниманием своим разные задорные выходки европейской политики... Дер- жась политики невмешательства в европейские дела и постоянно имея в виду только интересы

и достоинство России, Александр III ведет свою политику открыто, не прибегая ни к каким ухищрениям, держась в отношении к другим державам безукоризненной прямооты и неуклонной справедливосты». Недавно было покончено с нежизнеспособным «Союзом трех императоров», в который еще входили Германия и Австрия. А вот с Францией дружба, наоборот, налаживается. Ну, к чему это приведет, помню даже я. Союз с лягушатниками закончится Первой мировой. Этим летом в Санкт-Петербурге ждали французскую делегацию, чтобы подписать военный договор.

На первый взгляд, дела обстояли очень даже неплохо. Но я-то знал, что благоденствию этому осталось четверть века, не более, а если учесть, что в начале XX века разразится война с Японией, которую Россия проиграет, то и того меньше. И если я не хотел закончить свои дни у расстрельной стенки, то надо было что-то делать. Попытаться остановить страну на краю революционной бездны и гражданской бойни. Единственное, что мне приходило в голову по этому поводу – улучшение благосостояния моих сограждан, точнее подданных. Хотя есть у меня в тетрадочки два имени – Владимир Ленин, вернее Ульянов, и Иосиф Сталин, точнее Джугашвили (его настоящую фамилия удалось вспомнить с трудом). Если обстановка будет совсем неважной, можно будет задуматься и о силовом решении. Не зря же Сталин сказал, что нет человека – нет и проблем. Но это отдаленная перспектива. Пока меня больше беспокоило предстоящее знакомство с империей и война на Дальнем Востоке.

Ошалев от количества прочитанного, я вышел проветриться. Пятнадцать узлов – это примерно тридцать километров в час, если не ошибаюсь, но находиться на свежем морском ветерке на такой скорости не слишком приятно. Поэтому я отправился на корму, чтобы спрятаться за надстройками корпуса. Настоящий наследник, оказывается, курил, я же с этой дурной привычкой «завязал». Тем более что зависимость была только физическая, психологически я был некурящий. Спрятавшись за какой-то железкой от ветра, я наслаждался морскими видами. Еще никогда мне не доводилось путешествовать на корабле. Бесконечные гребни волн бежали до самого горизонта, где безоблачное небо сливалось с водной гладью. На палубу порой долетали соленые брызги. Не знаю почему, но качка не вызывала никаких проблем. То ли от природы у меня был крепкий вестибулярный аппарат, то ли тело привыкло к подобным испытаниям.

Мои размышления прервал шум за углом.

– Почему ты, мерзавец, от службы отлыниваешь?

– Так ведь, ваше высокоблагородие, вахта-то теперь не моя, вот и отдыхал...

– Разве у тебя нет места для отдыха? Дрых без задних ног, а вдруг тревога?! – заводил сам себя говорящий. – Или ты думаешь, что за тобой по всему крейсеру бегать будут? Искать? Скотина!

Послышалось хеканье и звуки ударов. Решив, что и дальше оставаться безучастным наблюдателем не стоит, я сделал пару шагов и вышел из своего импровизированного укрытия. Высокий жилистый офицер со злым цыганским лицом (лейтенант, если не ошибаюсь) неторопливо бил матроса. Тот держал руки по швам и стоически переносил наказание.

– Хм... Что здесь происходит? – спросил я негромко.

Офицер повернулся на голос. На его физиономии сменилась целая гамма эмоций – от злости, раздражения, что его отвлекают от приятного дела, а закончилось все изумлением.

– Я повторяю, господин лейтенант, что здесь происходит? – в моей душе забитого ботаника, над которым регулярно издевались одноклассники, поднимался вал возмущения. Вид взрослого мужика, которого бьют по лицу, а он стоит на вытяжку и даже не пытается защититься, всколыхнул подзабытые подростковые воспоминания.

– Ваше императорское высочество... Матрос Вакуленчук спал на службе.

Я повернулся к избитому и сквозь размазанную кровь из носа увидел знакомые черты. Это был тот самый мужик с обвислыми усами, что рассказывал мне о нехитром меню.

– Что ж ты, братец?

– Не моя вахта была, государь... Только сменился... Сморило. У котельного прикорнул. Там переборка теплая...

– Так вся вина этого матроса в том, что он спал в неположенном месте? – спросил я, и градус внутреннего кипения начал расти.

– Для этого есть кубрик...

– Понятно... Иди, Вакуленчук... Умойся, – сказал я и, пока матрос быстро исчезал из поля зрения, окончательно развернулся к офицеру. – Потрудитесь объясниться, милостивый государь. Кто дал вам право бить подчиненного, да еще и по надуманному поводу?

По глазам лейтенанта было заметно, что он не понимает сути моих претензий.

– Как вас зовут?

– Николай Парфенович Курош из астраханских дворян, ваше императорское высочество.

– Так вот, Николай Парфенович, настоятельно прошу вас впредь воздержаться от рукоприкладства в отношении нижних чинов. Не пристало дворянину, а еще больше русскому офицеру бить подчиненных. Настоятельно рекомендую этого не делать. Идите.

Произнося свою тираду, я вдруг понял, что могу быть неправ. Перед глазами возник образ мужика, который молча сносит удары, и лицо лейтенанта, не понимающего, почему я вмешиваюсь, поэтому финал и получился немного смазанным. Черт! Надо немедленно найти капитана и прояснить этот вопрос. Однако искать его мне не пришлось. Николай Николаевич сам шел мне на встречу.

– Ваше императорское высочество, Владивосток на горизонте! Наш переход приближается к концу.

В голосе собеседника я услышал нотки радости. Я провел на корабле всего несколько дней, да и то большую часть из них в порту, а команда и мои попутчики покинули родные берега больше полугода назад. Мы подошли к борту.

– Сколько же мы прошли, капитан?

– Почти двенадцать тысяч морских миль, ваше императорское высочество.

– Однако... Соскучились по дому?

– Конечно! Только для нас путешествие пока не заканчивается. До базы в Кронштадте еще идти и идти. И неизвестно, какие у командования на нас виды... Но ничего, команда здорова, исполнена энтузиазма и готова исполнить любой приказ, – закончил он преувеличенно бодрым тоном.

– Кстати, Николай Николаевич, просветите меня по поводу телесных наказаний на флоте, что-то я запамятовал...

У Ломена приподнялись брови:

– Телесные наказания для нижних чинов были отменены высочайшим повелением в 1863 году. Ваш августейший дед, император Александр II, запретил порку кошками как в мирное, так и в военное время... – завершил он рассказ невысказанным вопросом.

– Я стал свидетелем неприятной сцены...

– Лейтенант Курош, как я понимаю?

– Вы знаете о его... упражнениях?

– Да, ваше императорское высочество.

– Так почему не прекратите? Почему на вашем корабле подобное возможно, – слово «вашем» я выделил особо.

– Лейтенант Курош потомственный моряк, сын контр-адмирала Парфения Александровича Куроша...

– Как мне кажется, это не основание для нарушения высочайшей воли... Николай Николаевич, прошу вас принять меры к тому, чтобы подобные события более не повторялись. Нельзя марать честь русского императорского флота.

Расставшись с капитаном, я отправился к себе в каюту. Дорога к ней проходила мимо офицерской кают-компаний. Дверь оказалась приоткрыта, из-за нее слышались голоса моих попутчиков. Понимая, что рискую, тем не менее притормозил и решил послушать, о чем идет речь. Начала разговора я не услышал, но он был явно обо мне.

– ...после происшествия сильно изменился, – проговорил, если не ошибаюсь, Волков.

– Сие вполне объяснимо, – рассудительно сказал Барятинский, – его императорское высочество пережил жестокое покушение, несколько дней провел прикованным к постели. Полагаю, полученные травмы объясняют его желание больше отдыхать и проводить время вне компании...

– Допустим, а как объяснить тот факт, что в общении с нами он перешел на чины? Большую часть пути мы обходились без них...

– Быть может, его императорское высочество обижен на нас? Мы были рядом в тот злополучный день, однако первыми на помощь пришли простые рикши и его высочество принц Георг, – заметил Кочубей после паузы.

– Признаться, я тоже об этом думал, – подключился к разговору Ухтомский.

– Господа, в любом случае мы должны достойно продолжить это путешествие и быть опорой для его императорского высочества. Мне кажется, что особых поводов для беспокойства нет, а небольшие... чудачества – так кто из нас обходится без них? – заключил Барятинский, и я, стараясь не шуметь, поспешил к себе. Так, надо сделать выводы. У здешних аристократов есть какое-то общение «без чинов».

Сборы не заняли много времени. Хотя поломать голову все-таки пришлось: упаковывать вещи самому или переложить эту работу на кого-то другого. Проблема решилась сама собой. В каюте не оказалось ни чемоданов, ни саквояжей, ни сундуков.

В гардеробе наследника преобладали мундиры. С богатой отделкой, явно дорогие и красивые, но надевать их я категорически не хотел. Военную форму надо уметь носить. На людях гражданских она сидит как на корове седло. Я усвоил эту истину, наблюдая за студентами, которые учились на военной кафедре в университете, и курсантами Института внутренних войск. Его корпуса в Саратове находились аккурат напротив вузовского городка. Из окон аудитории мы наблюдали, как будущие офицеры и в хорошую погоду, и в дождь со снегом нарезали на плацу десятки километров. Эта муштра плюс регулярные физические нагрузки приводили к тому, что на парней заглядывались все девушки из нашего вуза. Совсем иную картину представляли слушатели военной кафедры. Казалось бы, такая же форма, но они являли жалкое зрелище, а выстроенные в строй вызывали приступы хохота и мат офицеров-преподавателей. Именно поэтому я и не хотел надевать мундиры. Надо будет поносить их в приватной обстановке, привыкнуть. Выбор пал на обычный костюм-тройку. Правда, и с ним надо было познакомиться. За свои двадцать с небольшим я так и не научился завязывать галстук. Да и надевать-то его доводилось всего лишь раз, на школьном выпускном. Пришлось звать на помощь князя Кочубея. Он был явно удивлен моим выбором, но вопросов задавать не стал.

– Виктор Сергеевич, помогите. После ранения мне еще тяжело поднимать руки на уровень головы, я никак не могу завязать...

– Конечно, ваше императорское высочество, – и Кочубей взялся за дело. Сам он был облачен в как бы не парадный мундир с шикарными эполетами и аксельбантами. На груди позвякивали награды. – Все. Готово!

– Спасибо, Виктор Сергеевич! Отправляемся?

– Так точно! В путь.

«Память Азова» бросил якорь на рейде. На берег нас с попутчиками должен был доставить паровой катер. Его уже пришвартовали и опустили трап. Команда выстроилась на шканцах для церемонии прощания. Все взгляды были устремлены на меня.

– Господа офицеры и матросы! Спасибо за службу. Путешествие с вами через половину мира навсегда останется в моей памяти. Не все в дороге прошло гладко, но вы с честью выполнили свой долг. Я благодарен судьбе за то, что она переплела наши пути. Да здравствует императорский флот! Слава русскому оружию!

Ответом мне стало громовое троекратное «ура!». Причем, как мне показалось, со стороны матросских рядов оно было более искренним.

– Да, чуть не забыл. Николай Николаевич, – обернулся я к капитану, – распорядитесь выдать команде по дополнительной чарке. Она ее заслужила! – и под восторженный рев матросов спустился на баркас. Он отвалил от высокого борта крейсера и устремился в порт, а я подумал, что несколько мгновений назад заработал небольшой плюсик в карму наследника престола. Бог даст, он зачтется мне во втором десятилетии недалекого уже XX века.

Глава VI

Май 1891 г.

– Мама, я так больше не могу! Ну сколько можно!? – мысленно стонал я, рухнув на кровать. Заканчивались последние сутки моего пребывания во Владивостоке. Никогда бы не подумал, что быть свадебным генералом, точнее императорским высочеством, так тяжело. Здесь, на краю необъятной страны, гости подобного уровня бывают очень редко, поэтому программу пребывания приготовили, мягко говоря, масштабную. Плюс местное начальство, как я понял, попыталось пустить пыль в глаза в надежде засветиться перед будущим императором. Понравишься ему – авось потом и вспомнит. Правда, участие в официальных мероприятиях стало лишь одной частью моей деятельности. Другая от публики была скрыта. Знали о ней несколько человек. О сути же не догадывался никто. Впрочем, обо всем по порядку.

Церемония встречи прошла с большой помпой. Такой, что проняло даже меня, знакомого с шоу XXI века, что уж говорить о хроноаборигенах. Гремели залпы пушечных салютов с кораблей и береговых укреплений. Команды судов кричали «ура!». Звонили колокола всех храмов. Причаливший к Адмиральской пристани катер встречали сотни, если не тысячи владивостокцев. Идеальными шеренгами стояли войска. И все это укрывал легкий туман.

На берегу первым ко мне подошел типичный купчина с серебряным блюдом, на котором лежал каравай. Явно волнуясь, он произнес приветственную речь.

– Ваше императорское высочество! Население Владивостока, как и вся Сибирь, было исполнено невыразимой радости, ожидая наследника русского престола, впервые посещающего здешние далекие окраины. Простите неустроенность нашего города! Он еще новый, только что строится, многого в нем недостает. Но население его богато твердою верою во всемогущего Бога, безграничною любовью и непоколебимою преданностью своему монарху и его августейшему дому, – богато именно тем, что издревле составляет оплот величия и могущества нашей родины. Добро пожаловать, ваше императорское высочество!

После этого я отломил кусок хлеба (это оказалось неожиданно легко, каравай был подрезан), макнул его в солонку и закинул в рот. Началось представление местного начальства. Нас встречали Приамурский генерал-губернатор барон Корф, военный губернатор генерал-майор Унтербергер, командир порта контр-адмирал Ермолаев. Причем последний оказался оригиналом. От имени супруги он подарил мне букет цветов. Пришлось импровизировать на ходу и отослать госпоже Ермолаевой двадцать пять горшков с цветами. Все остальные слились для меня в бесконечную череду лиц с бородами и бакенбардами разной степени пышности. Кстати, купец с блюдом оказался городским головой Игнатием Маковским.

Следующим шагом церемонии стало объявление амнистии. О том, что соответствующий указ, или Всемиловейший Его Императорского Величества Александра III Манифест, путешествовал на «Памяти Азова» через полмира, мне накануне напомнил князь Барятинский. Ему, как самому старшему в компании сопровождения, были доверены некоторые документы. Послабление распространялось на всех, кто отбывает наказание в Сибири. Ссылным каторжникам на треть сокращались сроки, пожизненные приговоры заменялись на двадцатилетние, осужденные несовершеннолетние преступники освобождались.

Процессия направилась в Успенский храм на благодарственный молебен. Причем путь до коляски был застелен коврами. Кое-где они были брошены прямо на землю. Толпа с криками «ура!» довольно быстро прорвала тонкие цепочки войск, и далее экипаж двигался в плотном людском потоке. Глаза всех светились неподдельной любовью. Я же, улыбаясь направо и налево, помахивая ручкой, думал о том, что же такого должно случиться, чтобы они же поставили обожаемого сегодня наследника престола к стенке.

Завершился день в доме генерал-губернатора, где продолжились знакомства. Как я понял, честь быть представленным высокому начальству была большой. Мне пришлось безропотно, с улыбкой жать бесконечные руки командиров сибирской флотилии и порта, военных частей, начальников гражданских и городских учреждений, а также железнодорожных инженеров. Запомнить, кто есть кто, я даже не пытался.

Все эти события вызывали чувство жуткого дискомфорта. Я не привык быть в местах массового скопления людей. А уж тем более быть объектом их пристального внимания. Самообладание давалось с трудом. Хотелось ссутулиться, стать меньше, спрятаться в какую-нибудь щель. Мне же приходилось вести себя степенно, двигаться плавно, говорить медленно. "Держимся царственно, держимся царственно", – как мантру, повторял я про себя.

Оставшись наконец один и выдохнув, решил заняться настоящими делами. Мне надо было решить, какие меры предпринять для подготовки к предстоящей войне с Японией. Первые шаги нужны здесь, на Дальнем Востоке. В центре страны закрутят другие заботы. Я попросил принести крепкого чаю и погрузился в размышления. Очень не хватало знаний о международных отношениях. Это в компьютерных играх-стратегиях все просто. Нажал кнопку – и готов союз, или столкновение, или перемирие. В жизни та же Британия вроде как союзник, а на деле не упустит ни одной возможности натравить на Россию кого-нибудь, чтобы ослабить. Пару недель назад в Японии меня считали почетным гостем, а через десятилетие до кровопролития дойдет.

Засидевшись допоздна, я родил только две идеи. Во-первых, надо оставить в Токио на максимальный срок в качестве посланника «дедушку» Шевича. Он проникся моей обеспокоенностью и осознал, что вооруженный конфликт возможен, а это значит, не придется тратить время на убеждения другого человека, тем более что лично это сделать я больше не смогу. Для решения данной задачи накидал письмо министру иностранных дел. В послании расписал достоинства Дмитрия Егоровича, его хорошее знание местных реалий и выразил уверенность, что он принесет много пользы империи именно на этом посту. Надеюсь, господин Гирс прислушается к моему мнению. Во-вторых, придумал, кому вручить вторую половину порванной йены. Правда, этого кого-то мне еще предстояло найти.

С чувством выполненного долга я уснул. Мне снилась грустная мама. Как ни старался, я не мог к ней приблизиться и прижать к груди. Она отдалялась все дальше и дальше, а бег мой не сближал нас ни на йоту.

Утром первым пригласил к себе генерал-губернатора барона Корфа, благо, он находился рядом, за стенкой.

– Андрей Николаевич, у меня к вам деликатное поручение, – начал я, когда барон уселся в кресло. – Мне необходимо подобрать господ, которые будут соответствовать необычным требованиям. Как бы это описать... Ну, пожалуй, давайте используем определение «заноза в заднице». Уж простите меня за столь необычный оборот, – поспешил я добавить, увидев, как у пожилого губернатора удивленно стали подниматься брови. Вероятно, он никак не ожидал услышать подобные слова от наследника.

– Позвольте, я продолжу. Мне нужны «неудобные» люди, толковые, профессиональные, но неуживчивые. Те, что перечат начальству и действуют по-своему. Наверняка в вашем ведомстве такие есть...

– Как не быть, ваше императорское высочество, – после непродолжительной паузы и поглаживания крыльев бороды ответил Корф. – Есть наверняка и такие. Надо поспрашивать, поузнавать...

– Вы уж поузнавайте, голубчик, порасспрашивайте, а я взамен освобожу вас от их общества. Составьте список оных лиц с небольшим описанием каждого. Двух дней вам хватит? – барон кивнул. – Вот и замечательно.

В это утро подобные разговоры у меня были и с остальными начальниками: военным губернатором Унтербергером и командиром порта Ермолаевым. И для них моя просьба оказалась более чем неожиданной. Еще дважды я наблюдал мучительную работу мысли, которая выражалась в ручной укладке бороды и усов. Прозвучавшее из уст наследника для них было в высшей степени странным, но возможности избавиться от «заноз» и угодить цесаревичу они явно не упустят.

В этот день по программе у меня был запланирован визит в бухту Улисс. Там находилось несколько армейских объектов. Меня водили по позициям береговых батарей, показывали, как живет личный состав. Обязательный молебен в Экипажной церкви. Я уже начал привыкать креститься и кланяться в нужных местах и не подсматривал за окружающими. А вечером военный губернатор давал в мою честь обед. Скромный, персон на двести.

Застолья XIX века все еще вызывали у меня шок. Оказывается, я не знал настоящего вкуса многих блюд. В моем времени этому мешала пищевая химия, заморозка и засилье готовых блюд с полуфабрикатами. Здесь же продукты были не только натуральными, но и лучшими из возможных. Столы украшали цветами. Еда была такой, что первое время я объедался просто до безобразия, чем несказанно радовал хозяев. В результате пуговица на брюках очень скоро стала давать тревожные сигналы. Количество поглощаемой пищи я сократил, хотя сдерживать себя было очень трудно.

У Павла Федоровича подавали борщ и солянку с кулебякой, пирожки, отварную рыбу, целиком зажаренных молодых барашков, фазанов в соусе со сметаной, спаржу, сладкие фрукты в вине и мороженое. Причем за скромным пунктом «пирожки» скрывалась дюжина разных видов выпечки – с кислой капустой, грибами, картофелем и горохом, рыбой и мясом, а также с телячьим ливером и налимьей печенкой, с перепелками и даже раками. Чтобы их можно было различить, делались они разной формы и размеров, с особыми украшениями. Именно это блюдо внесло в довольно скучное мероприятие нотку юмора. В какой-то момент один из сидевших в дальнем конце чиновников вдруг потерял всякую степенность, засуетился, схватил графин с водой, налил и залпом выпил. Его лицо немедленно налилось краской. Присутствующие заулыбались, а покрасневший стал объектом шуток. Эта игра называлась «Сюрприз». В один из пирожков еще до выпечки добавили много жгучего перца. Пока продолжался банкет, представители местного света один за другим произносили тосты. Я поднял бокал за процветание славного города Владивостока, форпоста России на дальних берегах.

15 мая в Российской империи оказалось праздничным. Это была дата коронации их императорских величеств Александра III и Марии Федоровны. Большую часть дня я провел на благодарственном молебне и приеме поздравлений от служивых и гражданских. Признаться, эта часть жизни царевича меня стала утомлять. Улыбаться, пожимать руки, находить ответные слова и всегда быть в центре внимания...

А вот вечер порадовал. Оба губернатора и командир порта принесли мне списки своих «заноз». В общей сложности почти четыре десятка фамилий. Несколько часов я просидел над листами, пытаясь составить оптимальный набор... да, пожалуй что шпионов. Они должны будут создать в Японии сеть, которая позволит контролировать ситуацию, передавать сведения на Родину, а в идеале и влиять на события. Я прекрасно понимал, что направлять людей в империю восходящего солнца напрямую бессмысленно. После усиления конфронтации, а тем более начала боевых действий их возможности, а вероятно, и передвижение будут сильно ограничены. Агентам предстояло направиться в Североамериканские Соединенные Штаты (не знаю почему, но США в России в XIX веке называли именно так), влиться там в ряды эмигрантов, получить гражданство. Организовать американо-японское торговое общество и ехать на острова уже в качестве граждан САСШ. Ничего более оригинального придумать я не смог. Ни «Семнадцать мгновений весны», ни вся бондиана, – а мои представления о деятельности разведки строились только на них, – ответов на вопросы, как проводить внедрение, не давали.

Итак, тридцать восемь фамилий, гражданские чиновники и офицеры. Примечательно, что все на низших должностях и в небольших званиях. Вычеркиваем всех, кому больше 40 лет. Эти люди, скорее всего, семейные, и уехать за море на неопределенный срок они вряд ли смогут, корни не пустят. А вот с остальными можно работать. Надо собрать их для личного знакомства...

Следующий день вновь выдался насыщенным, с военным уклоном. Осмотр казарм, лазаретов, смотр войск, молебен в полковой церкви. Особенно впечатлил громадный двуглавый орел на склоне одной из сопот. Птичка заняла четыреста квадратных сажень (кстати, еще одна незадача – мерами исчисления величин, привычными для меня, в России XIX века даже не пахло). Ее насыпали из каменного угля, щебенки и кирпича. Как заявил автор географического командира строительного батальона полковника Бубнова, на крайнем юго-восточном рубеже русских владений государственный герб покрыл самую почву. Когда пришло время возвращаться, офицеры части, которых я осматривал, выпрягли лошадей и сами повезли коляску. Причем солдаты и гражданские сопровождали это громовым «ура!».

Напряженный график пребывания объяснялся тщательной подготовкой визита. Программу поездки разработали в столице и «спустили» на Дальний Восток. Секретный циркуляр расписывал все мероприятия и дорогу от Владивостока до Уральска по часам. Для этого времени – точность невероятная. Более того, в документах было даже прописано, как надлежит украшать населенные пункты. Неизвестные составители подготовили брошюру «От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича». В книге, которую я проштудировал от корки до корки, содержалось множество ценных сведений о территориях, через которые пролегал маршрут. Там было все – от геологических и исторических данных, до статистической информации.

Поскольку во Владивостоке мне предстояло провести одиннадцать дней, то местная программа была наиболее насыщенной. Кстати, блюдо, на котором мне преподносили хлеб-соль, прислали из самой Москвы. До использования по прямому назначению оно было выставлено в витрине одного из магазинов, чтобы горожане могли полюбоваться. Для меня возвели несколько триумфальных арок. Основная из них была кирпичной с образом Святителя Николая Чудотворца и лампадой. Единственное, что я недрогнувшей рукой вычеркнул из программы – практически все официальные завтраки, обеды и ужины. Терять на них время, несмотря на ворчание князя Барятинского, не хотелось. Тем более что аргумент у меня был веский – последствия недавнего ранения. Я неплохо научился изображать головную боль и слабость, поэтому возражений у Владимира Анатольевича не нашлось.

Встреча с будущими агентами получилась напряженной, но полезной. В главной комнате губернаторского дома меня ждал тридцать один человек. С одной стороны, они мучились догадками, а с другой, не знали, как реагировать на слова, которые прозвучат. Тяга к «своемыслию» у них была очень сильна, но противоречить наследнику... В общем, напряжение было таким, что казалось: скоро между собравшимися начнут проскакивать искры. Я размышлял, как построить этот разговор, и начать решил со слова шаблона.

– Господа, добрый вечер! Вы здесь потому, что вы нужны России! Не буду говорить много, сразу к сути. Я хочу предложить вам очень важную работу. Она потребует максимального напряжения сил за рубежами нашего Отечества. Более того, за нее не будет ни достойного вознаграждения, ни даже признания, по крайней мере, при жизни, – по рядам собравшихся, до этого хранивших гробовое молчание, пробежал легкий шорох. – Итак, основную информацию вы получили. Все остальное только для тех, кто согласится. Если у вас есть какие-то обязательства, с которыми невозможно быстро закончить, откажитесь. Если у вас есть семьи, тоже лучше отказаться, ибо вам придется решать и за домочадцев. Я оставляю вас. Думайте. Через час мы встретимся снова, и тогда у оставшихся обратной дороги не будет.

Речь моя произвела впечатление. Глаза у многих «заноз» были круглыми. Они явно не ожидали подобных слов от члена августейшей семьи. Но спустя час в зале сидели все те же тридцать один человек.

– Рад, что вы приняли такое решение! Перейдем к сути вопроса...

* * *

Последние дни во Владивостоке, с точки зрения моего послезнания, оказались самыми плодотворными. Отдельного упоминания стоит закладка сухого дока. Его возводили в некотором отдалении от города. Дорогу до стройплощадки украсили зеленью и флагами. Началось все с очередного молебна, а потом командир порта прочел телеграмму управляющего морскими министерствами, в которой сообщалось, что государь император высочайше повелел произвести начало работ в присутствии наследника цесаревича и наименовать его именем Николая. Мне предложили уложить памятную табличку. Раздались залпы салюта. После этого главный инженер Василий Иванов показал мне чертежи сооружения.

– Отныне, ваше императорское высочество, мы не будем обращаться к дорогим услугам иностранцев для починки наших судов. Сотни тысяч рублей останутся в Отечестве нашем. А если, упаси господи, война, док позволит нашему флоту стать твердой ногой на Дальнем Востоке.

– Василий Васильевич, я прошу вас уделить этому строительству самое пристальное внимание, – об Иванове я слышал несколько добрых отзывов, поэтому решил оказать ему, точнее важному начинанию, всемерную поддержку. – Если вдруг возникнут задержки или какие-то другие сложности, пишите мне лично. Это сооружение действительно очень важно для России. Более того, подумайте о втором подобном объекте. По мере окончания очередных этапов строители могли бы переходить с одной площадки на другую, – закончил я под удивленно поднявшимися густыми брови военного губернатора Унтербергера.

– Павел Федорович, – обратился я к нему, – вы уж посодействуйте господину Иванову с поиском участка и сокращением количества разного рода проблем.

Вторым, как ебы сказали в моем времени, «инфраструктурным» проектом была закладка Великого сибирского пути – железной или, как ее называли, чугунной дороги, соединяющей Дальний Восток с центром страны. Для меня стало откровением, что в империи нет сухопутного маршрута, который шел бы из центра страны к этой окраине. Доставлять грузы во Владивосток приходилось на кораблях с Черного моря через Суэцкий канал или, если англичане закапризничают – а делали они это регулярно, – вокруг Африки, по всему Индийскому океану. Крюк получался огромный. И это еще если Османская империя пускала русские суда через проливы. В противном случае грузы вообще тащили с Балтики. Несмотря на плечо через половину мира, этот путь доставки был удобнее, чем по суше. Железная дорога доходила только до Миасса в Челябинской губернии. Потом грузы пришлось бы почти восемь тысяч километров тащить по совершенно диким территориям. Александр III эту проблему задумал устранить. Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, он решил, что старт сему делу даст наследник. Именно этим мне и предстояло заниматься в последний день пребывания во Владивостоке.

Мероприятие началась, естественно, с молебна. Как я понял, в XIX веке это неотъемлемый атрибут. После его окончания мне вновь предстояло выступить в роли свадебного генерала. В этот раз с помощью тачки и лопаты. По мысли организаторов, надо было насыпать на тележку землю и отвезти ее на место планируемого полотна. Пока я все это делал, толпа замолкла. Вид наследника, который занимается черной работой, шокировал публику. Только сверкали магнием вспышки фотографов.

Экскурсоводом выступал инженер Урсати. Судя по его возбужденному виду, стройке с руководителем повезло. Он носил купеческую бороду, но высокий лоб выдавал в нем интеллектуала.

– Александр Иванович, давайте заглянем в будущее. Когда, как вы считаете, возможно полностью завершить дорогу?

– Ваше императорское высочество, вы задаете сложный вопрос... Полагаю, что при благоприятном стечении обстоятельств речь может идти о многих годах.

– Ну а все-таки?

– Десяти, да, десяти лет должно хватить.

– Господин Урсати, вы же понимаете, насколько эта дорога важна для империи. Десять лет – это чрезмерный срок. Его императорское величество не просто так уделил ей особое внимание. Господа, – я обернулся к многочисленной свите, – настоятельно прошу вас быть помощниками в строительстве данной чугулки. Проволочки и задержки в этом вопросе совершенно недопустимы. Александр Иванович, считайте эту магистраль главным делом своей жизни. Поскольку первая тачка моя, я буду лично следить за строительством. Каждые три месяца, даже нет, лучше ежемесячно присылайте мне отчет о ходе работ. А если возникнут затруднения и вопросы, то чаще. Основная задача – всемерно приблизить дату окончания работ, причем не за счет ухудшения качества. Не будем ставить сроки, но в новый век Российская империя должна войти связанная чугулкой от края до края.

Повисла секундная пауза. Чины военные и гражданские переваривали информацию и прикидывали новые властные расклады, а Урсати слегка ошалел от свалившейся на него информации. Персональный контроль со стороны наследника престола, с одной стороны, сулил преференции, а с другой – мог закончиться большими неприятностями. Впрочем, он опомнился раньше других.

– Ваше императорское высочество! Спасибо за честь! Я... мы оправдаем ваше доверие...

Завершилась церемония поездкой на поезде. Ради этого были проложены несколько верст полотна. Насыпь окружали восторженные толпы. Как мне пояснили, к местным жителям прибавились вчерашние ссыльные каторжники, попавшие под амнистию. Люди пытались рассмотреть в окне вагона мою персону, я же в очередной раз размышлял о предстоящем титаническом труде. Ведь если ничего не предпринять, то и для меня, и для страны все завершится очень плохо. Революции, войны, одна из которых братоубийственная гражданская, голод. Настоящий Николай допустил столько ошибок, что все покатилося под откос. Я знаю, к чему это приведет, но не знаю причин этого и не помню в подробностях предстоящих событий. Моя заветная книжка постепенно пополняется записями, но они далеки даже от тех фактов, с которыми мне приходилось знакомиться в школьном учебнике истории. Но, несмотря на все это, решение было принято. Я приложу все силы к тому, чтобы моя Родина не пережила весь тот ужас, что ей предстоит, и горе тому, кто встанет у меня на пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.